

ИСТОРИЯ НАШЕЙ СЕМЬИ

Воспоминания Эдуарда Великовского

Составитель родословной Галина Пинзур

Редактор Геннадий Великовский

MOSCOW • NEW YORK • TEL AVIV

2021

Эдуард Великовский

Галина Пинзур

Геннадий Великовский

Содержание

<u>ИСТОРИЯ НАШЕЙ СЕМЬИ.....</u>	<u>1</u>
<u>Воспоминания Эдуарда Великовского.....</u>	<u>7</u>
<u>Часть 1. Происхождение семьи и её жизнь до войны8</u>	
<u> Легенда о женитьбе наших родителей.....</u>	<u>22</u>
<u>Часть 2. Годы войны и первые послевоенные.....</u>	<u>39</u>
<u> Первые годы войны.....</u>	<u>46</u>
<u> Судьба родственников во время войны.....</u>	<u>68</u>
<u> Снова в Москве.....</u>	<u>75</u>
<u> Последние месяцы войны.....</u>	<u>83</u>
<u>Часть 3. После войны.....</u>	<u>85</u>
<u>Заключение.....</u>	<u>101</u>
<u>Моя родословная (составлена Галиной Пинзур)..</u>	<u>111</u>
<u>Дополнения и комментарии Эдуарда Великовского</u>	<u>147</u>
<u>Несколько фотографий Геннадия Великовского</u>	<u>156</u>
<u>Благодарность.....</u>	<u>164</u>

От редактора:

Эта книга посвящается большой семье Великовских - потомкам прадедушки Бениамина Пинзура, бабушки Шейны Пинзур и её мужа Гейселя Великовского.

На долю этого поколения в 20 веке выпало много страданий: революция, гражданская война, война с фашистской Германией, Холокост. В огне этих событий в 41 году от рук нацистов погибли 8 наших родных, и один, Соломон Пинзур, был убит органами НКВД.

Несмотря на страшные испытания, Великовские-Пинзур сохранили доброту, благородство и удивительно прочные родственные связи.

Цель этих воспоминаний оставить светлую память о наших ушедших родственниках для детей и внуков.

Геннадий Великовский

Воспоминания Эдуарда Великовского

Дорогие Гена и Софа!

Недавно получил по почте альбом с фотографиями. Очень понравились, прекрасно выполнен. Его видел Леня и, конечно, Галя. Мы в восторге. Сочувствие и грусть вызвали фотографии Юлечки - прекрасные фото прекрасной девочки.

Твой, Гена, почин, заставил меня взяться за эти воспоминания, хотя я лет двадцать пять не писал ничего, кроме заявлений в ЖЭК или по гаражным делам. Конечно, квалификация потеряна, не суди строго.

*Еще раз благодарю за Ваше сердечное отношение к светлой
памяти наших родителей Галины и Анатолия Великовских.*

Мама и Папа. Кисловодск, 1956 год

Часть 1.

Происхождение семьи и её жизнь до войны

В мае этого года я обратился в Центральный Архив Министерства обороны РФ с просьбой разыскать документы и другие материалы биографии нашего отца Великовского Т.Г. при прохождении им воинской службы для семейного альбома. Получив их, я стал использовать как ориентир в своих воспоминаниях, комментариях и исторических справках.

Для первой части своих воспоминаний главным ориентиром будет Личное дело, на пункты которого отец отвечал как до войны (в 1940 г.), так и после (в 1957 г.).

Итак, пункт 1.

Вопрос: Фамилия, имя, отчество.

Ответ: Великовский Танхум Гейселевич.

Комментарии: кажется, все ясно, но фамилия явно нееврейская. Отец говорил мне, что по статусу еврейских родов мы из "коэнов" (то есть из священников). Ну вот наделение евреев наследственными фамилиями, хотя началось еще в X веке, закончилось только в середине XIX века. Например, австрийские монархи обязали еврейское население империи для упрощения проведения рекрутских наборов и взимания налогов, выбрать себе

фамилии только в начале XIX века. Если кто-то уклонялся от этого выбора, то чиновники могли сами присвоить фамилии евреям, что делали не без расистского юмора. Отсюда пошли многочисленные "шварцы" (черные), "берги"(горы), "штейны" (камни) и прочие "манны" ("человеки").

Кажется, в 30-е годы XIX века вышел указ Николая I о наборе евреев в армию. Выполняя его, русские чиновники, озабоченные той же проблемой, не стали утруждать себя выдумкой, а так и записывали новобранцев-евреев как "безродных", "бесфамильных" и вообще "беспровзванных". По другому варианту им присваивали фамилии по названию населенного пункта, где они служили. *Например, село Великовское Нижегородской губернии (почему бы и нет, звучит по-русски неплохо).*

Что касается самого указа, то Николай I и его чиновники были те еще гуманисты. По нему забирали "домашних" еврейских мальчиков - подростков и гнали к месту службы за сотни километров пешком, хоть зимой, хоть, когда. Как эти ребята шли и умирали по дороге с большим сочувствием отразил А. Герцен в "Былое и думы". Что касается имени и отчества, то по жизни будучи Анатолием Григорьевичем, в документах их на русский лад не менял. В отличие от своих братьев (кадровых военных) отец служил в армии, как срочник. Конечно, с таким экзотическим именем (на русский слух) и отчеством было не просто служить в каком-нибудь воинском коллективе. Например, на спасательном судне Балтийского флота "Коммуна", где он был единственным евреем. Но отец мог постоять

за себя и быстро завоевывал авторитет благодаря своим деловым качествам и обаянию.

Пункт 2.

Вопрос: Год и месяц рождения.

Ответ: 1909 г., 18 марта.

На самом деле отец родился в 1912 г., а 1909 год рождения получил при регистрации, проведенной сельской администрацией позднее, в один день с братом Соломоном (Семеном), который действительно родился в 1909г. По легенде их признали близнецами, так как на тот момент они были одного роста. Появление даты рождения в Личном деле - 18 марта (1957 года заполнения), произошло на мой взгляд, по вполне уважительной причине. В этот день в далеком 1944 году, находясь в составе танкового полка 2-й ударной армии, отец принял участие в кровопролитном сражении на

подступах к городу Нарва. Здесь, по словам отца, немцы применили не то управляемые мины большой мощности, не то ракеты. Башни подбитых наших танков отлетали метров на 70.

Немногие уцелевшие танкисты дали друг другу слово отмечать этот день как новый день рождения.

Судя по дате приказа о награждении отца орденом "Красной звезды", именно за этот бой он получил эту высокую награду. Может быть, за спасение экипажа подбитого танка, заслонив его своей броней и эвакуировав раненых товарищей. Скромный по жизни, отец никогда не рассказывал об этом эпизоде своей военной биографии. Я его привожу со слов Максика, который был свидетелем трогательной встречи отца со своим спасенным товарищем (спустя много лет) в Парке культуры им. М. Горького.

Пункт 3.

Вопрос: Место рождения.

Ответ: дер. Красное, Руднянский р-н, Смоленская область.

В интернете я не нашел эту деревню. Может быть, она превратилась в поселок "Красный". Знаю только, что находилась она недалеко от ж/д станции (того же названия). Наш дедушка подрабатывал здесь извозом, а его сыновья разгрузкой товарных вагонов, получая за свой труд или мешки с мукой, или соль (дефицит в сельской местности даже в конце 20-х годов).

Я смутно помню дедушкин дом, где родились и жили все братья и сестры отца. Помню просторную прихожую, открывавшей доступ к нескольким небольшим комнатам, расположенным по периметру стен дома. Из окна центральной

комнаты открывался вид на участок и конюшню, где "проживал" красивый дедушкин конь по кличке "Серый".

С ним связано самое яркое впечатление моего детства - наша с мамой прогулка на санях, запряженных этим конем. Мне было тогда года три.

Стоял чудесный солнечный зимний день. Сани легко скользили по просторной, "окаймленной" по краям лесом равнине, покрытой белейшим снегом. Дедушка, одетый в тулуп и теплую шапку, сидел впереди, изредка погонял Серого. Приятно пахло сеном.

Необычайное чувство покоя и счастья охватило тогда мою детскую душу.

Что скажешь? Родина!

Пункт 4.

Вопрос: Какой национальности.

Ответ: еврей.

Отец гордился своей национальностью. Если слышал по радио или по TV какую-то еврейскую фамилию, то удовлетворенно кивал и произносил на идише слово "аид". Но к приличным людям других национальностей относился с пониманием и уважением. Примеры ответного доброжелательного отношения к нему людей других национальностей Вы наверняка можете вспомнить и сами. Взять хотя бы покойного соседа по гаражу Борю, который так много сделал, чтобы поставить после смерти отца достойный памятник своему дорогому другу.

По приглашению мамы, я как-то пришел к ней в обед с работы. Вдруг звонок, открываю дверь, там стоит пожилой узбек с огромной прекрасной дыней в руках. Он протянул ее мне, сказав единственное слово: "Анатолию"! Этим было все сказано!

До сих пор светлеют при воспоминаниях о нем лица старожилков нашего гаража.

Мой Начальник КБ, покойный Бражников Евгений Михайлович, пообщавшись с отцом минут 15 по поводу внедренного в производство изобретенной отцом "Водоморозостойкой шпатлевки", так был покорен его обаянием и компетентностью, что сам, без просьбы с нашей сторон, провел работу по присвоению ему почетного звания "Изобретатель СССР" (через Президиум АН СССР, чуть ли не первому в этом ведомстве).

Пункт 5.

Вопрос: Какой язык считаете родным.

Ответ: русский.

Солдаты "николаевского призыва", уцелевшие в многочисленных кампаниях этого царя ("покорение Кавказа", подавление восстаний в Польше и Венгрии, Крымская война) и отслужившие свой срок (лет 25), получали право (самим и их потомкам) жить на территории империи вне "черты оседлости" и покупать наделы земли для занятия земледелием. Предок нашего деда так и поступил, поселившись в дер. Красное. Другая ветвь его потомков осела в Литве, в городах. Из этой среды в XX веке выдвинулся знаменитый космолог, историк - хронист и врач

Иммануил Великовский, родственную связь с которым установила наша Галя Пинзур.

Этот известный ученый, друг А. Эйнштейна, стал одним из основателей Иерусалимского университета.

Возвращаясь к ответу отца о родном языке. Родившись в русской деревне, общаясь с соседями и посещая русскую школу, отец, конечно, считал родным русский язык. Но, как и все его братья и сестры, и наша мама, хорошо знал идиш.

Пункт 7.

Вопрос: Социальное положение до вступления в РККА.

Ответ: рабочий, профессия механик.

Ответ был поставлен не без колебаний. Отец ушел в армию бригадиром МТС и не знал к какой категории себя отнести, сомневался. В итоге выбрал – рабочий.

Пункт 8.

Вопрос: Занятие родителей.

а) До 1917г. года (чем занимались и где).

б) После 1917г. года до настоящего времени (чем занимались и где).

в) Местонахождение родителей.

Ответ: отец до 1917 г. года кустарь в дер. Красное.

После 1917 г. до 1928 г. там же крестьянин.

В настоящий момент живет там же на иждивении детей.

Отец - Великовский Гейсель Беркович, погиб в 1942 г.

Мать - Великовская Шейна Вениаминовна, умерла в 1942 г.

Историческая справка к пункту 8:

Разрешение солдатам-евреям заниматься земледелием (и их потомкам) оказалось привилегией весьма сомнительной. Даже русские крестьяне с их вековым опытом земледелия в большинстве своем не могли прокормить свои семьи по следующим причинам:

а) малая площадь наделов;

б) истощение почвы из-за невозможности вести севооборот;

в) недостаток удобрений (только органика), а также отсутствие механизации труда и государственных субсидий в сельское хозяйство, без чего не обходятся в настоящее время даже передовые страны. Крестьянские хозяйства выручали отхожие промыслы и кустарничество;

г) избыток сельского населения, которое с 1861г. (год освобождения крестьян) выросло с 51 млн человек до 103 млн человек, и это при той же площади обрабатываемой земли.

Каким ремеслом занимался дед до 1917г., я не знаю. Но к 1928 г. ему было, наверное, под 60 лет. Тянуть крестьянскую лямку он не мог, а пенсии на селе, если и были, то мизерные. Они и сейчас в среднем в 2 раза меньше городских, и редко превышают прожиточный минимум (около 200\$ на человека). Но подросли дети и взяли на себя заботу о престарелых родителях. Я знаю, что, находясь на службе в армии (1931–1935 гг), отец почти все свое денежное довольствие (около 25 руб., немалая по тем временам

сумма) посылал родителям в деревню. Молодец! Я думаю, что и остальные дети деда помогали родителям (по своим возможностям).

Пункт 9.

Вопрос: лишались ли по суду избирательных прав родители, или жены, или ближайшие родственники и т. д.

Ответ: не лишались.

Пункт 10.

Вопрос: был ли осужден, когда, кем, за что и насколько.

Ответ: не судим.

Пункт 11.

Вопрос: семейное положение/холост или женат; имя, отчество жены, возраст и место рождения жены, детей и их время рождения.

Ответ: женат; жена Шумячер Гинда Залмановна, год рождения 1913, БССР. гор. Дубровно.

Дети: сын Эдуард, 1937г.р., дочь София, 1946 г. р., сын Геннадий 1946 г. р.

Галина Великовская (Гинда Залмоновна Шумячер)

Эдик, Софа и Гена. Москва, 1957

К сожалению, я почти ничего не знаю о маминной семье и происхождении ее рода. Знаю только, что ее отец Шумячер Залман Беркович жил в г. Дубровно БССР и работал на ткацкой фабрике.

Родина нашей мамы город Дубровно Витебской области. Он расположен на обоих берегах Днепра. До войны в нем проживало тысяч десять жителей, из них тысячи две евреев. Он славился как город еврейских невест. Если посмотреть на сохранившиеся фотографии мамы тех времен и ее старшей сестры тети Аси, то сомневаться в этом не приходится, обе - красавицы.

Мне известно, что мама умерла в 1915 г., а отец оставил своих девочек на руках бабушки и деда со стороны жены, а сам завел новую семью. Как эти пожилые люди смогли вырастить обоих внучек (5 и 3 года) осталось загадкой! Время было ужасное - гражданская война, интервенция Германии и Польши, бандитизм, голод. По словам мамы, дедушка умер от недоедания в 1927г. Это был красивый человек, на него в юном возрасте были похожи все внуки нашего отца.

Когда девочки подросли, они пошли работать на ткацкую фабрику. Младшей из девочек (нашей маме) не хватало роста, чтобы достать до рабочей зоны ткацкого станка. Не проблема, подставили скамейку! На всю жизнь у мамы остались трещины на кистях рук, полученные от ударов рвущихся жестких нитей обрабатываемых шпуль.

Легенда о женитьбе наших родителей

Отца призвали в РКВМФ в 1931г. Ушел он юношей 19 лет (сохранилась фотография его и дяди Сени того времени). На службе были большие физические нагрузки, но хорошо кормили. После долгой разлуки он предстал перед близкими как 80-килограммовый мускулистый красавец-мужчина с твердым взглядом бывалого моряка. По свидетельству нашей тети Мани Феллер, жених был на загляденье, чем вызвал веселый переполох среди окрестных невест. Первой удачно "подсуетилась" тетя Фира Шифрин (Пинзур), сводная сестра нашей бабушки, которая раздобыла фото мамы и показала ее отцу. Возникла любовь, можно сказать с первого взгляда. Возникла любовь на радость нам и продлилась всю их совместную жизнь, оставшись в сердце мамы и после смерти отца.

И вот уже молодая пара с помощью сестры отца тети Жени в 1936 году оказалась в Москве, в крохотной (7 кв. м) комнате в доме без удобств по адресу: Б. Девятинский переулок, дом 12, кв. 36. К тому времени мама окончила курсы воспитательниц детского сада и надеялась найти работу по специальности. Сюда привезли меня после рождения в октябре 1937 г. Хотя я родился в г. Дубровно, куда мама приехала в свой "декретный отпуск" на "побывку" к тете Асе, однако записали меня уроженцем г. Москвы (по месту прописки родителей). Дом №12 представлял собой ряд двухэтажных кирпичных строений, кое- где с подвалами. Они были построены владельцами Трехгорной мануфактуры для своих работников, хотя до фабрики было далековато (километра два). Жизнь в "бараках" без

удобств с отоплением от "буржук" была тяжелой. Но это было типично для переселенцев г. Москвы (и не только) в довоенное время. Наш домик снесли после войны первым из корпусов дома №12. Наверное, по своим жилищным условиям даже на фоне других он выделялся не в лучшую сторону.

Отец устроился на работу шофером в Научно-Исследовательский Автотракторный Институт (НАТИ). Пригодилась полученная на флоте специальность моториста. По вечерам в НАТИ он посещал школу-десятилетку, где окончил 8 классов, а затем там же учился на курсах механиков-дизелистов.

Правда добираться до Лихоборов, где располагался НАТИ, было сложно. С пересадками это занимало более двух часов в один конец. Ситуация осложнилась еще и тем, что перед войной были приняты постановления, по которым опоздавшим на работу, тем более за прогул, грозили не только штраф и увольнение, но можно было "загнать в тюрьму" лет на пять.

Поэтому после моего рождения и окончания "декретного отпуска" мама не рискнула поступить на работу. Зарплаты отца (около 70 руб.) хватало семье не только на жизнь, но и на поездки к родственникам. Мы бывали с мамой неоднократно и у тети Аси в г. Дубровно, и у деда в дер. Красное. Съездили один раз к тете Соне (на море) в Евпаторию (сохранилась фотография) с заездом в г.

Симферополь, где тогда проживали с семьями дядя Боря и дядя Сеня.

Эдик и мама в Евпатории, 1940

Помню на меня большое впечатление произвела большая квартира дяди Бори, служившего в НКВД. Особенно понравились кожаные диваны из его домашней мебели. Дядя Сеня служил в авиации. Я помню его сидящим напротив большого окна с видом на аэродром. Голова его была забинтована. Это было следствием жесткого приземления его бомбардировщика, в хвост которому врезался истребитель сопровождения при репетиции Воздушного парада. Летчик истребителя погиб, а дядя Сеня получил еще и повреждение позвоночника. Службу в авиации продолжил, но по инженерной части, летал редко.

Остался в памяти и маленький домик с видом на Днепр в Дубровно, где жила семья тети Аси с мужем дядей Илюшей и двумя девочками, имена которых я не помню, а узнать уже не у кого.

Сохранилась в памяти комната с темной мебелью, куда доносились веселые детские голоса, и чувство благодарности по отношению к окружающим за их доброту ко мне.

Прошли, не затронув семью деда, годы репрессий - 1937–1938 гг. Однако в 1937 году отец обнаружил за собой слежку ("наружку"). Он это объяснил позднее тем, что на службе на Тихоокеанском флоте в г. Владивостоке возил как шофер кого-то из начальников, попавшего под молот репрессий "большого террора". Однако "органы" вскоре установили родственную связь отца с дядей Борей, ставшим к тому времени начальником отдела контрразведки в Крыму и имевшим безупречную репутацию, "наружку" сняли.

Отец рассказывал мне, что перед войной колхозы "выправились" и давали достаточно продовольствия для жителей городов, получая в ответ много тракторов, комбайнов и другую с/х технику.

Жизнь была хоть и нелегкой, но постепенно улучшалась, и если бы не война...

Пункт 12.

Вопрос: Образование. Сколько классов (курсов), какого учебного заведения, когда и где закончил.

а) Общее; б) Специальное; ... д) Военное.

Ответы: а) 8 классов десятилетки при НАТИ, г. Москва, 1937г. б) Курсы мастеров соц. труда, механиков-дизелистов в 1938г., г. Москва. д) Военное: г. Севастополь, 1932г., школа машинистов Черноморского Военного флота.

Не могу обойтись в этом пункте без очередной "исторической справки".

Надо отдать должное большевикам. Они провели после революции 1917г. настоящую "культурную" революцию, в ходе которой ликвидировали безграмотность в стране, во тьме которой находилось 85% населения России (50% полностью неграмотных и 35% малограмотных, т. е. умеющих поставить подпись).

Советская власть установила обязательное начальное образование, в том числе на языках народов, населяющих страну. Стало доступным среднее образование без промежуточного отсева в виде экзамена по латыни, который было необходимо сдать для поступления в гимназию при старом режиме. Было установлено равенство в достижении образования между мужчинами и женщинами, отменены сословные привилегии и "процентная норма" для евреев. Среднее и высшее образование стали бесплатными. Открылись многочисленные рабфаки, ФЗУ при заводах, техникумы, курсы и т. д.

Направленность этих мер была истинно социальной, цель - открыть дорогу к знаниям и культуре всей молодежи страны.

Дети нашего деда в полной мере воспользовались открывшимися возможностями. До революции только старший сын деда дядя Боря учился в "реальной" гимназии. После революции братья отца окончили школы и поступили в военные училища (авиационное и артиллерийское), став кадровыми офицерами. Это было невозможно в царские времена. Старшая дочь деда тетя Роза окончила школу и работала в системе НКВД, тетя Женя стала

квалифицированным бухгалтером, тетя Соня окончила медицинский институт и стала прекрасным специалистом по лечению детского костного туберкулеза.

Наш отец получил в НАТИ хорошее среднее техническое образование и стал квалифицированным механиком-дизелистом. В своем институте он даже привлекался как испытатель первых советских автобусов и американских грузовых машин. Один из грузовиков был МАСК - громадные машины этой компании можно и сейчас встретить на дорогах Америки

Эти знания помогло отцу в годы войны разбираться в вопросах ремонта и восстановлении новой для него танковой техники.

Пункт 15.

Вопрос: Партийное положение. Состояли ли членом или кандидатом ВКП (б) с какого времени, какой организацией принят.

Ответ: член ВКП (б) с 1939г., принят партийной организацией НАТИ г. Москвы.

Из прилагаемой автобиографии ясно, что отец был принят кандидатом в члены ВКП(б) еще на службе в РКВМФ в 1931г. политуправлением Крымского укрепленного района Морских сил Черного моря.

Обращает на себя внимание очень большой промежуток времени от года вступления до принятия (с 1931 по 1939 года, 8 лет). Конечно, в эти годы отец не на печи валялся, а честно отслужил на флоте и хорошо показал себя на работе в НАТИ. Наверное, дело в том, что тридцатые годы были периодом внутрипартийной борьбы с

"троцкистами" и другими "уклонистами" от генеральной линии партии, а также судебных процессов над оппозицией и "большого террора".

В результате поток новых членов партии превратился в маленький ручеек. Но он снова стал потоком во время войны, когда кандидатов в члены ВКП(б), оставшихся в живых после атаки, сразу принимали в партию, так как в их заявлениях стояли такие слова: "В случае моей смерти считайте меня коммунистом." Куда деться партийным бюрократам? Принять и точка!

Другие пункты "Личного дела" от 16 до 23 не рассматриваю. На мой взгляд, они представляют собой историческую ценность, как пример того, по каким признакам кадровики отделяли "чистых" от "нечистых". Я же перейду сразу к пункту 24.

Пункт 24.

Вопрос: Самостоятельная трудовая деятельность до поступления в РККА и РКМФ и после увольнения. Род занятий или должность.

Ответ: 1928 по VII 1931г. тракторист, бригадир МТС Дюргинского р-на Крыма.

Сразу возникает вопрос, каким ветром занесло 16-летнего крестьянского парня из дер. Красное на Смоленщине в Крым?

Для ответа на этот вопрос, мне кажется, придётся слегка коснуться таких понятий из учебников истории как НЭП, продразверстка, продналог, "обострение классовой борьбы в деревне", раскулачивание, а также коллективизация +

индустриализация + пятилетки (в четыре года) и т.д. Постараюсь покороче, не выходя за рамки семейных воспоминаний.

Весь период Первой мировой и гражданской войн был периодом борьбы любой власти с крестьянством за хлеб. Со стороны властей производились реквизиции "излишков" хлеба, в лучшем случае в обмен на мануфактуру, а в основном за ничего не стоившие бумажные рубли. Эта процедура получила название продразверстки, и проводилась белыми и большевиками; большевики использовали продотряды состоящих из рабочих, чекистов и солдат красной армии. В народе говорили: "Белые придут - грабят, красные... Некуда крестьянину податься!" Не отставали от них в этом грабеже и многочисленные повстанцы, махновцы и просто бандитские шайки дезертиров всех мастей.

Этот беспредел отразился и на семье деда. Кажется, в 1917г. на дом деда ночью напали бандиты и ограбили все подчистую, а это была очень зажиточная семья, - поэтому деду ничего не оставалось делать как вместо кустарничества заняться земледелием.

Хозяйство деда (при одной лошади + корова) считалось бедняцким и при НЭПе продналогом (30% от урожая, пришедшему на смену "продразверстке" в 70%) не облагалось. Но на кого в довольно многочисленной семье мог опереться дед? Дочки и младший сын учились в школах и на рабфаках, старший сын Борис пошел на службу в НКВД. Оставались только средние сыновья: Соломон (Семен) и наш отец Танхум (Анатолий).

Отец и Соломон (Семён). Прощальное фото в день ухода в ряды РККА и Флота, сентябрь 1931

Если учесть, что земля в Смоленской области была малопродуктивной, наделы в бедняцком секторе на хозяйство не более 4,5 га, то при среднем урожае в 30 пудов хлеба с 1га и "физиологической" норме на одного человека 12 пудов на год, до следующего урожая прокормиться было проблематично. А тут еще дядя Сеня увлекся работой в комсомольской организации и поставил какой-то антирелигиозный спектакль, где играл к тому же роль Иисуса Христа. Верующие соседи-мужики обиделись и пришли к Геське с просьбой разобраться с "антихристом". Дед попытался отхлестать сына вожжами, однако Соломончик не дался, - вылетел в окно вместе с рамой и был таков, навсегда оставив отчий дом. К 1928 г. положение в семье с выживанием оказалось критическим.

И в этот момент впервые в XX веке (а потом не раз) наша семья получила поддержку от самой Америки!

Благотворительная организация помощи евреям под названием "Джойнт" (действует и поныне) предложила еврейской молодежи Смоленской области переселиться в более плодородную степную зону Крыма, чтобы здесь научиться, а затем научить других передовым приемам земледелия. Предлагалось снабдить переселенцев семенным зерном для следующего урожая, тракторами марки "Фордзон" для обработки наделов земли, и проводить обучение с помощью опытных агрономов и менеджеров.

Я предполагаю, что об этом интересном предложении отец и семья деда узнали от дяди Сени, который после побега из отчего дома обитал где-то неподалеку.

Предложение было принято, и вот уже два "брата-близнеца" оказались в каком-то поселке Дюргинского района в Крыму (недалеко от Джанкоя), где проживали немцы-колонисты.

Аборигены встретили переселенцев настороженно. Для водопотребления им был выделен единственный колодец с неработающим насосом. И здесь впервые на виду у всех проявились способности нашего отца к технике. Без всяких сомнений он взялся за ремонт насоса и справился с ним, но еще более удивил, буквально потряс своих товарищей отец, когда, впервые попав в кабину трактора, он самостоятельно разобрался в рычагах и педалях управления, завел машину и поехал по деревенской дороге, останавливаясь, чтобы прокатить желающих.

Об этом я услышал от одного из этих бывших переселенцев, гостившего у нас на Ферсмана спустя лет сорок после этого события.

Для всех товарищей отца с этого момента стал очевиден род занятий (по п. 24 «Личного дела» отца) – это, конечно, тракторист. Кем он и стал в организованном при их участии колхозе, само название которого «Красный Тракторист» было обязано этому памяtnому событию. В дальнейшем после организации Машинно-тракторной станции в Дюргинском районе Крыма, отец стал работать в ней сначала трактористом, а затем через год бригадиром (и это в 18 лет!).

Что касается периода НЭП, то это был труднейший и противоречивый период советской истории: с одной стороны экономика России возрождалась как в сельскохозяйственном секторе, так и в промышленности, причем в сельскохозяйственном секторе к 1928 году был на 16% превзойден 1913 год, однако все симптомы многолетней деградации сельского хозяйства России остались, а противоречия обострились. По составу 20 миллионов сельских хозяйств включали 75 % бедняцких, 20 % середняцких и только 5 % зажиточных.

Бедняцкий сегмент хозяйств в урожайные годы (30 пудов с/га) не мог прокормить свои семьи, так как на 35 % был безлошадным. Более того, он включал в себя более 20 миллионов человек, у которых вообще не было ни кола, ни двора. Они существовали на грани голодной смерти. Единоличные хозяйства в условиях малоземелья, общинной чересполосицы, истощения земли от недостатка удобрений, - не давали возможности в достатке

«кормить» городское население, численность которого не обеспечивала кадровый спрос для опережающего роста промышленности.

По жизни даже в урожайные годы приходилось беднякам, чтобы дотянуть до следующего урожая, подмешивать в муку такие добавки (лебеда), от которых у детей болели животы и падал иммунитет.

В результате к 10-ти годам в деревнях выживало только треть новорожденных, а на просторах страны, как и при царе-горохе ежегодно голодало до 20 областей. Требования зажиточных крестьян о свободной продаже излишков хлеба, т. е. оставшихся после уплаты продналога, - в таких условиях означало голод для значительной части населения страны.

Выход был найден в массовой коллективизации, при которой объединенные наделы земли (по 4,4 га от каждого хозяйства) могли быть обработаны тракторами, а также в программе ускоренной индустриализации, способной поглотить "излишки" населения сельской местности. Но этот многообещающий путь был подвергнут суровому испытанию, причем сразу с двух сторон ("уклонов"). Со стороны кулаков, т.е. зажиточных крестьян, основной доход которых был связан со старым как мир ростовщичеством. Например, безлошадному бедняку давалась на время в аренду лошадь, а в ответ тот был обязан отдать половину урожая. Та же цена за аренду плуга, сенокосилки и др. Какие-то деньги были нужны и бедняцким семьям, отсюда кредит за двойную плату или отработку (бесплатно) надела кулака ("барщина").

В колхозах эти штучки по отношению к беднякам не проходили, так что экономическая основа власти и авторитета кулаков на селе подрывалась.

В ответ запылали колхозные амбары с зерном, начался падеж лошадей и скота от эпидемий, зазвучали выстрелы из обрезов.

В 1929 г. НКВД зарегистрировало 8270 терактов, в результате которых погибло более 6200 коммунистов и работников советской власти.¹

С другой стороны, низовые партийные работники, усвоившие со времен "военного коммунизма" только одну методу проводить в жизнь декреты и постановления вышестоящих властей, а именно действие по триединой формуле - "глотка-мордобой-револьвер", - решили, что вновь вернулись благословенные старые времена и начали загонять крестьян в колхозы силой, наплевав на «указивки» верхов о соблюдении добровольного принципа вступления в колхозы.

По данным НКВД вся страна была покрыта сетью подпольных ячеек, во главе которых стояли старые "друзья" большевиков: «левые эсеры» и амнистированные белые офицеры. Встал вопрос о втором издании гражданской войны.

Последовал упреждающий удар - кампания «раскулачивания». Семьи кулаков выслали в основном в Сибирь,

---

¹ На самом деле это были сотни, а не тысячи погибших функционеров советской власти. - Прим. ред.

но некоторым разрешали поселиться в пределах региона. Имущество конфисковывали в пользу колхозов.²

В результате даже в Смоленской области, счастливо избежавшей белого террора, польской интервенции и других эксцессов в период гражданской войны, - из-за «перегибов» левых радикалов произошло восстание против Советской власти. Настало время привлечь для наведения порядка на селе «менеджеров» другого поколения, получивших образование, но не потерявших связи с деревней. Оторвав от станков лучших рабочих и комсомольцев общим числом в 25 тысяч человек, партия их направила по одиночке в села, чтобы без крика и угроз помочь завершить процесс коллективизации. Необходимо было научить вчерашних единоличников приемам коллективного труда и справедливого распределения его результатов.

---

² Современными историками доказано, что все эти 8270 терактов — это нелепость, выдуманная палачами ГПУ и НКВД для оправдания жесточайшего террора против зажиточного крестьянства, которое препятствовало полной коллективизации. У средних и зажиточных крестьян был, согласно марксизму, "первородный грех" — это мелкая частная собственность, а по Сталину наличие собственности было предательством учения марксизма-ленинизма. Следствием непродуманной коллективизации в 1931–1932 гг. на громадной территории южной России, Украины и Казахстана стал страшный голод с миллионами жертв. Эсеры к этому времени были уже на кладбищах или доживали свои дни в Гулаге. - Прим. ред.

Настало время привлечь для наведения порядка на селе «менеджеров» другого поколения, получивших образование, но не потерявших связи с деревней. Оторвав от станков лучших рабочих и комсомольцев общим числом в 25 тысяч человек, партия их направила по одиночке в села, чтобы без крика и угроз помочь завершить процесс коллективизации. Необходимо было научить вчерашних единоличников приемам коллективного труда и справедливого распределения его результатов.

Вот эта компания чуть было не закончилась трагедией в семье дяди. Дядя Сеня, как активный комсомолец получил направление в одно из сел Казахстана. Там на него было совершено нападение - ему проломили голову кастетом. Он лежал на земле, истекал кровью, но был подобран и спасен товарищами. На всю жизнь у него на лбу остался шрам.

И все-таки, несмотря на все проблемы и издержки, кампании коллективизации успешно завершилась к 1933г., после которого массового голода в России не было даже в неурожайные годы.

Что касается истории НЭПа, ее блистательно отразили сатирики И. Ильф и А. Петров в своих романах, написанных в период как расцвета, так и увядания этой политики. Их литературные шедевры с множеством шуток стали фольклором ("Боже, как я сидел при НЭПе"; тайное общество "Меча и орала"; контора "Рога и копыта"; " Я дам Вам парабеллум, Киса"; " Утром деньги - вечером стулья") и т. д.

Смеясь над этим периодом, советская интеллигенция считала (по известной формуле), что так она навсегда прощается с

буржуазным прошлым. Досмеялась до такой степени, что прошлое стало настоящим, при чем чуть ли не по самому худшему варианту:

1) Распад страны, гражданские конфликты на ее окраинах, разграбление партийной номенклатурой достояния народа с вывозом капитала за границу на сумму от одного триллиона долларов (официально) до трех фактически.

2) Коррупция во властных структурах стала нормой. Чего стоит только дело полковника ФСБ Захарченко, у которого только дома нашли 13,5 млрд. рублей. Причем при вывозе этих денег как вещественного доказательства половина суммы "испарилась" непонятно куда. Вот это масштаб воровства, куда там Корейко с его жалкими эшелонами с продовольствием! "То ли еще будет, ой-ей-ей!"

3) Во многих среднеазиатских странах произошел возврат не к капитализму, а прямо к феодализму.

Ох, может зря я хихикнул над настоящим, как бы оно не обернулось таким прошлым, на выбор, как 1917, 1937, 1941, 1953, 1991 годы! Не дай Бог!

Пункт 31.

Вопрос: Прохождение службы в РККА и РКВМФ.

Ответ: С 1931г. по VIII 1932г. Курсант- "Учебный отряд Морских сил Черного моря, г. Севастополь;

VIII 1932г. по XII 1932г. Моторист, спасательное судно Коммуна, г. Кронштадт и т. д.

Самостоятельно освоив специальность тракториста, отец, призванный на службу, попал на флот, куда брали новобранцев с задатками технарей и физически крепких. Здесь он поступил в училище и получил первую специальность-моторист.

О службе на флоте отец мало рассказывал мне. Отмечу только, что быстро стал старшиной и побывал на трех из четырех флотах страны, причем на Тихоокеанском флоте больше года плавал на подводных лодках. Отец говорил, что служить на подлодках было особенно тяжело, так как в подводном плавании возникали проблемы с дыханием из-за недостатка кислорода.

От себя добавлю, что на флоте отец научился жить и работать в коллективе при высокой личной ответственности за порученное дело, и получил официальную специальность - механик, а затем шофер. Это позволило ему по окончании службы поступить в ведущий исследовательский автотракторный институт страны, где после кандидатского стажа в 1939 г. он стал членом ВКП(б) от партийной организации НАТИ. Позднее, по заключению Центральной высшей аттестационной комиссии НКО СССР, ему было присвоено офицерское звание младший политрук запаса (21-V-1940 г.).

Часть 2.

Годы войны и первые послевоенные

Наша семья состоялась в том двадцатилетнем периоде XX века между двумя мировыми войнами, вторую из которых современные историки считают непосредственной продолжением первой, а Октябрьский «переворот» всего лишь «диким» плодом «Первой мировой».

Об Октябрьской революции и ее влиянии на судьбу семьи нашего деда я как мог рассказал в I-ой части этих воспоминаний, раскрывая ответы на пункты «Личного дела».

В этой части я буду использовать другие документы и исторические источники, а также собственные воспоминания.

Начну с исторической справки.

Победители в Первой мировой войне страны Антанты (Франция, Великобритания, США, Италия, Румыния, Япония) казалось жестко наказали ее побежденных и зачинщиков – страны «Оси» (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария), которые в результате Версальского договора потеряли частично и свои территории, и колонии, а также были вынуждены платить победителям внушительные репарации (особенно Германия – 2 млрд. долларов, 2 трлн. современных).

Германия передала Франции спорные территории - Эльзас и Лотарингию, а также была вынуждена смириться с тем, что вместо армии могла иметь 100-тысячный полицейский корпус без флота и авиации, и с потерей сухопутного доступа к Восточной Пруссии без

разрешения Польши. Кроме того, вместо монархии почти все эти страны стали республиками, а на территории Австро-Венгрии и Турции образовались множество новых государств. Миллионы убитых и искалеченных военнослужащих, а также погибших от расстрелов, погромов и болезней мирных жителей, казалось бы, в зародыше должны были пресечь всякие затеи с новой войной в Европе. Однако среди побежденных нашлись силы, мечтающие о реванше, а среди победителей Италии и Японии полученные территориальные бонусы показались недостаточными. Они готовились к новой войне с целью захвата колоний. Это наложило на обострение социальной обстановки в мире, вызванной как экономическим кризисом конца двадцатых и начала тридцатых годов, так и трудностями адаптации миллионов молодых демобилизованных солдат к мирной жизни («потерянное поколение»). А тут еще после Октябрьской революции произошло явное «полевение» и народных масс, и, что особенно важно, части интеллигенции. Россия стала примером альтернативного «нового пути», при котором могло возникнуть более справедливое общество. Словом, к началу 30-х годов обострились противоречия «между трудом и капиталом», «между метрополиями и колониями», «между победителями и побежденными». И это после ужасной всемирной бойни, которой должно было все «устаканиться». после

Однако у власть имущих всегда были два безупречных инструмента господства над народом - политика «разделяй и властвуй» и деньги. Первый «инструмент» позволяет разделять людей по этническому или расовому признакам (разделение людей

на высшую и низшие расы), второй – выделить из плебеев одаренных вождей, способных удерживать в узде народы, обеспечивать доходы крупной буржуазии за счет бюджета в периоды подготовки к войне, а также за счет военной добычи в ее процессе. Такими вождями – диктаторами оказались итальянский «фашист» Бенито Муссолини, испанский фалангист Франсиско Франко и германский нацист Адольф Гитлер. Как говорят сейчас в России, «с этого места поподробнее».

Бывший ефрейтор австрийской армии Адольф Гитлер пришел в политику как убежденный расист, ненавидевший таких «недочеловеков» как славяне и (особенно) евреи не только по политической направленности, но и по жизни, как биологический тип. В своем трактате, написанном в тюрьме еще в 1924г. под названием “Mein Kampf”, он выдвинул следующую программу своей национал-социалистической рабочей германской партии:

1) германская нация решит все свои проблемы за счет завоеваний территорий («жизненного пространства») на востоке Европы и т. д.

2) для «победоносного» похода на восток необходимо полностью свести на нет влияние на нацию коммунистов, социал-демократов и евреев, так как именно эта троица повинна в поражении Германии в войне, нанеся непобедимому вермахту предательский удар в спину (1918г.)

3) территорию Германии необходимо очистить от евреев путем лишения их гражданских прав и депортации куда-нибудь в Африку.

Придя к власти, Гитлер поставил весь государственный аппарат Германии на службу нацизма как идеологической платформе и милитаризма, как методу решения национальных задач и уничтожения мирового еврейства как высшей цели.

К 1940 году Гитлер добился впечатляющих успехов в выполнении своей программы, однако не без неожиданных для него само издержек. Так в августе 1939 года он предложил Польше передать Германии коридор в Восточную Пруссию за счет будущих территориальных приобретений в России. Получив отказ, он напал 1 сентября 1939 года на Польшу (дата начала Второй мировой войны). В ответ Англия и Франция направили Германии ультиматум с требованием о прекращении агрессии и возврате ее войск на свою территорию. Продолжив наступление на Польшу, Гитлер получил объявление войны от союзников. Эта война долгое время была «странной», так как союзники не предпринимали практически никаких действий, чтобы помочь Польше, которая не продержалась и месяца. Варшава была захвачена 28 сентября 1939 года, а польское правительство эмигрировало в Румынию уже 17 сентября.

Франция, объявив мобилизацию, держала свою армию на оборонительной линии Мажино, не делая даже попыток пересечь франко-германскую границу. И дождалась! Вермахт разделался с ней за шесть недель, попутно оккупировав Данию, страны Бенилюкса, а затем Норвегию. И это несмотря на поддержку ее английским экспедиционным корпусом, который едва унес ноги на свои острова.

Другие пункты программы к этому времени успешно были выполнены. Уже в 1933 г.: была запрещена компартия Германии, а

другие партии страны принуждены к самоликвидации. Профсоюзы были разогнаны, а недовольные оказались в тюрьмах или концлагерях, где «перевоспитывались» в духе национал-социализма с использованием тяжелого физического труда («болотные солдаты, шагают, взяв лопаты, прямо в топь»). Чем не Гулаг?»).

В области внешней политики Германия образовала антикоминтерновский блок, в который вошли Япония, Италия, Испания, Финляндия, Венгрия, Румыния и вся та же Болгария. С Советским Союзом в августе 1939 года был заключен «договор о ненападении» с закрытыми протоколами о разделе сфер влияния.

Словом, получилось у фюрера все как надо. Только упрямые англосаксы отвергли переданное через Рудольфа Гесса предложение «фюрера» о мире. И это несмотря на жесткие бомбардировки ее городов, портов и аэродромов.

Ну ничего, надо после югославов разгромить Россию - этот коммунистический колосс на «глиняных ногах». На это отводилось 5-6 недель «блицкрига» (молниеносной войны), а там, добравшись через Кавказ до Ирака и Ирана с их нефтепромыслами, принадлежавшими Британии, -глядишь последняя станет посговорчивее.

К 1940 году, когда было принято решение о войне с Советским Союзом, вермахт получил в качестве трофеев тысячи танков, автомашин, артиллерийских систем покоренных стран, и мог рассчитывать на их промышленный потенциал, продукцию сельского хозяйства и ресурсы почти всей Европы (кроме Британии).

О своем желании и готовности участвовать в «походе на Восток» заявили тысячи добровольцев из всех стран Европы. Особенно их было много из Франции, Хорватии, Голландии и из стран Балтии. Тень Великой наполеоновской армии взметнулась над всеми этими коллаборационистами.

Осталось только выбрать дату вторжения на территорию СССР, и она была выбрана — 22 июня 1941 года.

Утром этого дня тысячи самолетов и многомиллионная армия вторглась на территорию Советского Союза, в полной уверенности в своей непобедимости и безнаказанности, готовая разрушить его города, захватить природные ресурсы и посадить на его земли новых «эффективных собственников» из расы господ, превратив сельское население в рабов, а городское уморив голодом.

Какая же сила смогла остановить и разгромить эту варварскую орду?

Такой силой стала сплоченные советской властью и ВКП(б) советские люди, рожденные в период с 1890–1927 годов, которых современный историк А. В. Исаев совершенно справедливо назвал поколением «титанов». К этому поколению принадлежали и достойно себя проявили наши родители и вся семья нашего дедушки Гейселя. Именно это поколение за короткий исторический срок (10–12 лет) смогло создать передовую промышленную базу и ВПК, поднять сельское хозяйство, снабдить его тысячами тракторов, комбайнов, и другой с/х техникой, а также новыми высокоурожайными сортами. Благодаря «культурной революции», была преодолена безграмотность населения, и страна получила

тысячи профессиональных научных работников, деятелей культуры и техники, уровень достижений которых просто поражает. С их трудолюбием и талантом страна добилась не только исторической победы в ВОВ, но смогла обеспечить мир на планете. Наша страна первая открыла человечеству дорогу в космос. И все это было сделано этим поколением несмотря на то, что перед войной 600 тысяч советских людей подверглись страшному «большому террору», в результате которого были опустошены командные кадры РККА, а в застенках НКВД побывали такие лидеры советской науки как Л. Д. Ландау, Н. Вавилов, А. Н. Туполев, С. П. Королев, Л. Бартини, С. Термен и др.

В одном только нашем Институте химической физики АН СССР стали выдающимися учеными ученики нашего Нобелевского лауреата академика Н.Н. Семенова такие «звезды» советского атомного проекта, как трижды Герои социалистического труда академики Я.Б. Зельдович и Ю.Б. Харитон, а так же профессор Ф.И. Дубовицкий - разработчик твердого ракетного топлива и организатор научного центра в городе Черноголовка, и профессор Н. М. Чирков, основатель советской школы «Катализа полимеризационных процессов», - оба выходцы из одной деревни. Во время войны ученые нашего института много сделали и для фронта: разработав эффективные взрывчатые вещества для противотанковых мин и реактивных снарядов («Катюш»), взрыватели, миноискатели, каталитические грелки для запуска двигателей при низких температурах, огнемётные смеси и т. д.

Это поколение наших предков готово было зубами держаться за свою страну и свое будущее в ней, так как отчетливо осознавало, что его ждет при поражении. В гражданской войне, например, «Особое совещание» вождя белой армии генерала А. Деникина постановило, что с приходом к власти при захвате Москвы, все коммунисты и сочувствующие им будут расстреляны, а их имущество конфисковано.

Чего уж ждать от иноземных захватчиков, да к тому же нацистов?!

Первые годы войны

Начало войны не отразилось в моей памяти. Я помню только первую тревогу, почему-то ясным солнечным днем. Наверное, это была учебная тревога, и проходила она в воскресенье, так как отец был дома. Он подхватил меня на руки и двинулся в сторону метро Смоленская. Постоянно звучал резкий пронзительный звук. Кругом слышались непонятные слова «война, бомбежка». Мне показалось, что этот вой сирены и есть война. Было неприятно, но ничего страшного.

Другой раз этот звук раздался ранним утром. Отец был дома и со мной на руках двинулся в сторону метро Краснопресненская.

После этих тревог руководство НАТИ мудро решило отправить семьи своих сотрудников в эвакуацию. Планы эвакуации на Восток были разработаны еще в 1938 году. По ним каждое

предприятие обязано было иметь средства и возможности демонтировать оборудование и иметь информацию о количестве ж/д составов для эвакуации оборудования и своих работников на Восток. Здесь были созданы предприятия-дублеры или хотя бы фундаменты производственных цехов, элементы логистики и фонды жилплощади для размещения персонала с семьями.

По этим планам и мы с мамой в начале июля оказались в товарном вагоне вместе с другими женщинами и детьми, в поезде, двигавшемся на Восток в город Горький. Нам навстречу ехали эшелоны с военной техникой и солдатами, которые весело отзывались на наши приветствия в их адрес. Было интересно и несколько не страшно. Утром мы приехали в город Горький- прямо в порт- где по узкому длинному трапу прошли на пароход в темный трюм. Здесь было неприятно и страшновато. Отсюда на палубу мы вышли только на следующий день в городе Чебоксары, столице Чувашии. Понравилась широкая спокойная река Волга, по-моему, единственная достопримечательность тогдашнего сплошь деревянного города. Не помню, на чем нас привезли за город в большое трехэтажное здание сельской школы, где мы прожили около трех лет. Нас накормили с дороги, помыли и стали стричь ручной машинкой под «ноль».

Надо же было случиться, что именно на моей шевелюре «машинка» сломалась. Голова моя осталась недостриженной и похожа на голову «Ильича» (в возрасте, конечно).

Это вызвало смех и шутки окружающих. Я так и лег спать в таком виде, а утром ко всем детям пришли мамы, а ко мне нет.

Женщины тихо переговаривались, поглядывая на меня уже без смеха. Я расстроился и тихо плакал, сидя на кровати. И вдруг вошла мама с перевязанной рукой, но живая!

Она ехала в открытом грузовике, перевозившем матрасы. Держаться было не за что, и на повороте мама выпала из кузова, повредив руку.

Нас, детей младшего возраста, определили в детсадовские группы, которым выделили два бывших учебных класса, превратив их в спальни. Дети постарше оказались на 2-ом и 3-ем этажах, где также сделали классы-спальни, но остались и учебные. Как-то наладили питание, с нами *гуляли*, занимались. Мы ходили группой в лес, собирали ягоды, грибы и даже молодую крапиву (для супа). Женщины по очереди дежурили по ночам в наших спальнях, в том числе и мама. Я помню ее читающей при свете керосиновой лампы.

В октябре меня почему-то переодели в матроску (костюмчик) и сфотографировали. Оказалось, что это было в мой день рождения.

Мы провели три года в теплой дружеской среде, не голодали, жили в безопасности, с надеждой на скорое возвращение в Москву. Но как же тяжело приходилось тем, кто в одиночку или даже с семьей, бежал от войны на свой страх и риск! Об этом мне рассказывала тетя Ципа. Я не помню, как ей с семьей удалось бежать с Украины. Их поселили в какой-то станице на Дону. Но летом 1942 г. немецкие войска, нанеся поражение нашим под Харьковом, прорвались в излучину Дона. Хозяин - типичный казак, однажды демонстративно стал точить свою шашку. На вопрос тети Ципы, зачем он это делает- ответил: «Да так, может пригодиться». Не

дожидаясь действий с его стороны, тетя Ципа с дядей Яшей и Веней собрались по-быстрому и пешком добрались до ближайшего города, а оттуда выехали дальше, на Восток. Выжить семье удалось не в последнюю очередь благодаря тете Ципе, работавшей швейной-надомницей. Причем переправиться через Волгу беженцам было сложно, так как мосты через нее были наперечет, и они, конечно, были забиты воинскими эшелонами.

Что касается казаков, то значительная их часть вместе с семьями ушла после Сталинграда с немцами. Воевали они на их стороне и «отличились» при подавлении движения сопротивления в Югославии. Сейчас они в фаворе. Понятно, что за власть у нас и к кому она ближе.

Вернусь назад, к началу войны. Пользуясь преимуществом в уровне подготовки, боевом опыте и организованности, а также качестве техники, «немецко-фашистские войска» прорвали приграничную полосу обороны советских войск и уже через неделю ворвались в столицу Белоруссии г. Минск, окружив своими подвижными танковыми группами несколько армий советского Западного округа. При этом нашему руководству не удалось в западных районах страны провести полную мобилизацию и пополнить тем самым дивизии до штатной численности. Советским войскам пришлось отступить до старой границы и далее до Днепра. Уже в июле, захватив Западную Белоруссию, Западную Украину, Прибалтику и некоторые области России, гитлеровцы сразу показали тысячам захваченных пленных и миллионам оккупированного мирного населения, что они ведут не просто захватническую, а также

«расовую войну» -термин введенной советской писательницей Еленой Ржевской. В полном соответствии со своей нацистской идеологией немцы сразу стали проводить «зачистку» военнопленных и населения от коммунистов, евреев и цыган, которых уничтожали и части вермахта, и особые отряды СС при участии местных добровольных помощников. Отличились в этом Украина и, особенно, Литва, где все еврейское население было уничтожено даже без участия немецкой армии и администрации.

Первыми жертвами этих «зачисток» стали теть Ася и две ее девочки. Мужа тети Аси дядю Илюшу сразу мобилизовали в армию. Оставшись без его поддержки, теть Ася не решилась уходить пешком от войны, как ей предлагали ее троюродные сестры теть Маня и теть Леля. Понять ее можно: брести в неизвестность среди толпы беженцев, которую нещадно бомбит фашистская авиация. А тут еще наш дед по маминей линии оставлял какую-то надежду, говоря, что «немцы приходили в 1918 году, но никого не трогали. Может быть... и т. д.». А тогда, в первые же дни после захвата г. Дубровно, все еврейское население городка (около двух тысяч человек) было уничтожено при участии местных полицейев. Имущество погибших было разграблено, причем в этом акте принимали участие и соседи.

Следующей жертвой войны стал мой любимый дедушка Гейсел. Это был очень обаятельный человек с милой полуулыбкой и добрым выражением глаз. Крестьяне деревни Красное очень уважали деда, и несколько месяцев прятали его от немцев, пока гестапо не установило родственную связь между дедом и дядей

Борей, который стал им известен как начальник милиции города Феодосия, освобожденного в ноябре 1941 г. десантом Черноморского флота при его участии. Не найдя деда при обыске, гестаповцы объявили, что сожгут деревню, если деда не выдадут.

После этого дедушка сам вышел из убежища и был зверски убит полицаями.

Наша бабушка Шейна еще до войны тяжело болела и жила в Крыму в семье тети Розы. Каким-то чудесным образом семья тети Розы пересеклась при эвакуации с тетей Соней, которой без выпускных экзаменов было присвоено звание лейтенанта медицинской службы. Тетя Соня получила назначение на службу в госпиталь (прифронтовой). Она взяла под свою опеку бабушку, и вместе с госпиталем они эвакуировались в Сталинград, где бабушка умерла своей смертью.

Как же сложилась судьба нашего дорогого отца в начальный период войны и далее? Отправив нас с мамой в эвакуацию (в начале июля 1941 г.), отец пошел в военкомат и подал заявление с просьбой о добровольном направлении на фронт. В ответ неожиданно получил предложение поступить шофером и ни куда-нибудь, а... в Кремль!

Подумав, отец отказался, сказав военкому, что у него три брата кадровые военные, уже воюют на фронтах, а он от них не может отстать.

Отца отправили на Ленинградский фронт, куда он попал до перехвата вермахтом железной дороги Москва – Ленинград 30 августа 1941 года.

В это время группа армий «Центр» вермахта, захватив Смоленск, выдвинулась вперед по сравнению с фланговыми армиями, наступавшими на Ленинград и Киев. Поэтому Гитлер предпочел танковые армии («группы») Гота и Гудериана, повернуть на север и юг, чтобы разгромить войска Красной Армии на этих направлениях, а далее продолжить наступление на Москву. Таким образом танковая группа Гота присоединилась к танковой группе Гёпнера, действующей в составе армии «Север» в Прибалтике и на Ленинградском направлении. Это усиление позволило немцам за три недели установить блокаду Ленинграда с юга, а с севера, на Карельском перешейке, это сделали войска финнов под командованием Маннергейма, которому недавно наши «власовцы» установили памятную доску.

Однако в условиях болотистой лесистой местности танковые соединения сильно теряли свою пробивную мощь. В результате, и при упорном сопротивлении наших войск, и действиях Балтийского флота, враг был остановлен, хотя его войска на юго-западе Ленинграда достигли предместий города (конечная остановка трамвая), и вышли к побережью Финского залива клином в 10–12 км, отрезав остатки 8-ой армии РККА под Ораниенбаумом от уже блокадного Ленинграда. И, все-таки, немцам не удалось соединиться с войсками финнов вокруг Ладожского озера в районе Волховстроя, так что ленинградцам оставалась связь с «Большой землей» по Ладожскому озеру. Почувствовав, что Ленинград с ходу не взять, а время осенних дождей приближается, командование вермахта отозвало танковые войска Гота снова на Московское направление,

добавив к ним танковые группы Гёпнера с севера и Гудериана с юга, и бросив их в наступление на Москву, но только 30 сентября. Поначалу это наступление было успешным для немцев. Они окружили четыре советские армии Западного фронта и три армии Брянского, но те в окружении продержались более двух недель, а часть войск Брянского фронта вообще пробилась к своим. Выигранное в результате битвы под Ленинградом и в Центре время, позволило нашим войскам и мобилизованному на строительство мирному населению построить (хоть на 50% от планового) Можайский укрепленный район, где наступление немцев было остановлено не ближе 30 км от Москвы. Далее последовало контрнаступление Красной Армии (5 декабря), в результате которого вермахт потерпел первое крупное поражение на суше. Он был отброшен со своих позиций на расстояние от ста до четырехсот км. Безвозвратные потери немцев достигли 400 тыс. Так что жертвы 1941 года были не напрасны. Раз устояла Москва, устоит и Россия.

Отец был направлен на Балтийский флот, который потерял десятки своих боевых и транспортных единиц при переходе из Таллина в Кронштадт от бомб авиации и мин заграждения немцев. Вновь прибывшим по мобилизации морякам место в составе экипажей не было, и из 83 тысяч из них были сформированы 7 бригад морской пехоты, которых распределили по разным участкам обороны города, а одна из них досталась соседнему Волховскому фронту. Наш отец попал в 5-ю Морскую стрелковую бригаду на должность политрука стрелковой роты.

Бригада оборонялась на крайнем левом фланге так называемого «Ораниенбаумского плацдарма», отделенного от Ленинграда полоской территории вдоль Финского залива. Протяженность плацдарма была до 200 км, а ширина от 6 до 20 км. На этом «пяточке» оказались остатки 8-ой армии, отступавшей к Ленинграду через Прибалтику от самой границы. Затем ее перебросили на Волховский фронт, оставив на «пяточке» две стрелковые дивизии, и две бригады морпехов (2-ю и 5-ю), так как после ухода танковых групп вермахта на Московское направление, положение на Ленинградском фронте стабилизировалось. Бригада, где служил отец, прикрывала подходы к самому городу Ораниенбауму, и знаменитому форту береговых батарей «Красная горка», чьи тяжелые орудия держали под контролем территорию, занятую немцами до юго-западных окраин Ленинграда, радиусом до 25 км.

Несколько слов о морской пехоте вообще и ее советской разновидности.

Это особый элитный род войск, предназначенный для действий как на море (защита кораблей на стоянках и полицейские функции по охране офицерского состава в походах), так и на суше : высадка десанта на берег как с кораблей, так и с самолетов с целью захвата и удержания плацдармов до подхода главных сухопутных сил.

Особенность советской морской пехоты – это участие в боях в составе речных флотилий, а также в длительной обороне морских портов. При обороне Одессы, Севастополя, Новороссийска и, даже,

Сталинграда, советская морская пехота покрыла себя неуязвимой славой, так что 113 человек ее состава стали героями Советского Союза и полными кавалерами Ордена Славы.

Морпехи были непробиваемы в обороне и неустрасимы в атаках, которые проводили не без налета романтизма, одевая вместо касок бескозырки.

Им было свойственно гордое презрение к «немчуре», и они иногда отважно вступали в рукопашный бой.

Понятно, что среди таких вояк политрук не мог вести себя иначе, как быть впереди в атаке и последним при отходе.

Вообще годы войны были звездным часом партии. Ее роль в победе бесспорна, а цена просто потрясает: три миллиона коммунистов отдали свои жизни в армии и партизанских отрядах из общего числа 11,5 миллионов воинских потерь.

Раздраженные успешной обороной Ленинграда и большими потерями, которые наносили немцам артиллерия кораблей Балтийского флота, они 23 сентября 1941 г. совершили несколько налетов на порт Кронштадт с участием сотни бомбардировщиков. Немцы повредили носовую часть линкора «Марат». При этом погибло 336 членов экипажа. Это произошло на глазах морпехов отцовской бригады, бойцы которой не могли при этом сдержать слез горя и сочувствия своим товарищам.

Ближе к зиме из состава 5-ой бригады был выделен Отдельный лыжный батальон, задачами которого были диверсионные операции, разведка сопредельной территории, контролируемой немцами, корректировка артиллерийского огня

наших батарей. В его состав был включен и отец. Он мне рассказывал, что ему часто приходилось возглавлять группы разведчиков, которые по льду Финского залива в маскировочных халатах вынуждены были часами ждать на пронзительном холодном ветру подходящего момента для рывка на берег, где им противостояли посты немцев с пулеметами. Какой силой и выносливостью надо было обладать этим славным ребятам, если уже в ноябре 1941 г. суточный паек для них составлял 600 граммов хлеба (сомнительного качества) и котелок супа из брюквы.

Ведь назад им приходилось тащить на себе или волоком захваченного «языка», часто под огнем противника. Можно себе представить разочарование разведки, когда, доставив «языка» в штаб, убеждались, что он мертв? Отец объяснял эти эпизоды более низкой жизненной стойкостью немцев, привыкших к комфортной жизни, по сравнению с русскими людьми, проживающими на «гражданке» в условиях сурового климата и скромного быта.

Но однажды «разведке» повезло. В перелеске на вражеской территории на группу разведчиков во главе с отцом высочил лось. Конечно, дали по нему очередь и приволокли тушу к своим. На каждого пришлось грамм по двести жесткого мяса и котелок мясного бульона. Был праздник!

Праздником стало и выступление «фронтальной бригады» артистов из Ленинграда с участием молодого Аркадия Райкина. Наверное, через Галину Даниловну, спустя много лет, отец напомнил ему об этом концерте. Артист очень растрогался и подарил отцу книгу своих воспоминаний с автографом.

Но в будни на «пяточке» шла типичная позиционная война с ее частыми минометными и артиллерийскими обстрелами, тяжелой физической работой по «усовершенствованию» обороны: строительство дотов, блиндажей, рытье окопов и т. д. Особенно донимали снайперы, в том числе «финские кукушки», и постоянное чувство голода. Так как «пяточок» был отрезан от Ленинграда («двойная блокада»), то его защитникам продовольствие доставлялось по остаточному принципу.

И все-таки с моральной точки зрения гарнизону Ленинграда было еще тяжелее. Его бойцы были свидетелями смерти от голода тысяч мирных жителей, прямо на улицах. На территории города за время блокады обрушились более сотни тысяч тонн снарядов и бомб. Число погибших от обстрелов зимой 1941-1942 годов достигало 17 тысяч, а общее число жертв блокады среди гражданского населения определяется в 800 тысяч человек, а сколько сотен тысяч наших бойцов погибло в попытках прорвать блокаду на Нарвском пяточке, Сенявинских и Пулковских высотах, торфяных болотах вокруг 8-ой ГРЭС и штурмах поселков и станций?!

После войны участники Ленинградского фронта с усмешкой реагировали на трудности быта такими словами: «Тоже мне-Ленинградский фронт!».

Водители грузовиков, доставлявших продовольствие и военные грузы по «дороге жизни», проложенной по льду Ладожского озера, глядя на то, что творилось на улицах города, отдавали свои пайки голодающим женщинам и детям. Обратной дорогой эти грузовики эвакуировали население под «защитой» всего лишь

размещенного на крыше кабины плаката с «Красным крестом», который, конечно, не останавливал гитлеровцев. Нацизм есть нацизм, и в ответ он мог получить только одно-ненависть.

Наши войска на Московском направлении освобождали города, превращенные в развалины. На площадях стояли виселицы с трупами стариков, женщин и детей, - под надписью «партизаны». Я помню, сослуживцы отца, заходившие в 1944 г. к нам на «Девятинку» после лечения в госпиталях, рассказывали, что спрашивали пленных немцев: зачем те убивали детей? В ответ эти европейские рационалисты отвечали вопросом на вопрос: «А куда они без матери денутся?».

Наглядевшись на эти злодеяния, наши бойцы, даже выходцы из деревень, свидетели и жертвы ужасов кампаний «раскулачивания» и «коллективизации», все равно сохраняли газетные вырезки со статьями Ильи Эренбурга, где рефреном звучал призыв: «Убей немца».

Зимой по пояс в снегу, неся на себе пулеметы и боеприпасы, они старались быстрее освободить вон ту деревеньку или поселок, от которых часто оставались одни печные трубы. Если встречали в них уцелевших стариков и женщин, - просили прощения за то, что допустили до их очагов таких извергов.

В современной России был период, когда передовая «либеральная пресса» обвиняла руководство Ленинграда и страны в том, что они поступили бесчеловечно, не сдав город («было бы меньше потерь»). Однако уже ко времени Нюрнбергского процесса

был известен приказ Гитлера- открывать огонь по всем выходящим из города жителям.

Рейх не намерен был кормить население русских городов вообще. А Ленинград намеревался затопить, уморив голодом его население, которому и так было сложно выжить в блокаду. Суточная норма потребления на человека зимой 41–42 годов составляла 300 г. хлеба (работающему) и 125 г. «иждивенцу».

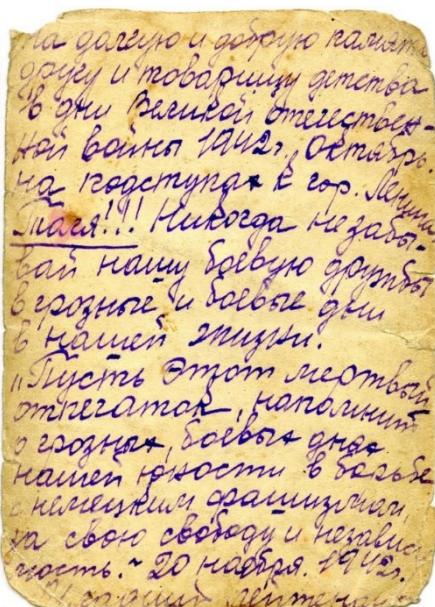
Что касается военных действий по прорыву блокады Ленинграда, то эти попытки начались почти сразу после ее установления, но все они почти полтора года терпели неудачи и стоили сотен тысяч жизней.

А ведь надо было «всего лишь» прорваться через «бутылочное горло» шириной в 12 км вдоль берега Ладожского озера. Однако немцы, используя здесь передовую строительную технику, создали непробиваемый укрепленный узел, извергающий с господствующих над местностью Сенявинских высот, как с вулкана-лавы огня, в том числе из осадных орудий огромных калибров.

Кроме того, наступающим со стороны Ленинграда войскам предстояло перед штурмом укреплений форсировать Неву шириной в этом месте 450 м., и это под огнем трех пехотных дивизий, в каждой из которых было по тысяче скорострельных пулеметов МГ 34/42, модификации которых долго состояли на вооружении армий НАТО.

А ведь эти дивизии еще поддерживала их артиллерия и танки сопровождения. И все это снабжалось от станции г. Мги по железной дороге, напрямую ведущей к Берлину. Так что бывали дни, когда на

головы наступающих частей Ленинградского и Волховского фронтов обрушивались до 2 тысяч тонн боеприпасов в сутки

Надо было поискать другое решение. Его нашли командующие фронтами генерал Л. Говоров (Ленинградский фронт) и К. Мерецков (Волховский фронт) в сентябре 1943 г. Изюминкой их плана была «одновременность» атаки всех участвующих войск, как со стороны Ленинграда, так и с позиций Волховского фронта. Причем многострадальную пехоту обоих фронтов предполагалось прикрыть танковым щитом, а также предварительно научить держаться за «огневым» валом артиллерийских батарей. Танкам Ленинградского фронта предстояло форсировать Неву. Легче всего это было сделать зимой по льду на деревянных настилах с

намороженным на их поверхности льдом, как это делалось еще в битве под Москвой.

Перед наступлением пехоту часть за частью выводили в тыл и тренировали штурмовать копии немецких позиций по примеру А. В. Суворова (перед штурмом Измаила).

Именно в это время (август-сентябрь 1942 г.) стала востребованной, как никогда, гражданская специальность отца - механик-дизелист.

Папа крайний справа в фуражке

Отец рассказывал мне, что в дни затишья, он в свободное время заходил к соседям в танковый полк, в котором остались только три танка, да и то требующих ремонта, с которым личный состав не мог справиться. Сначала из любопытства, а затем увлекшись, отец взялся за ремонт двигателя одного из них – танка Т 34. Двигатель

танка опережал свое время лет на двадцать. Он был легкий (из алюминиевых сплавов) и мощный. W-образное расположение цилиндров также было его «ноу-хау». Отец успешно отремонтировал движок и, как когда-то в Крыму, прокатил желающих на отремонтированной машине.

Слух об этом достижении какого-то политука дошел до командования войск на плацдарме, которое, несмотря на противодействие руководства морпехов, откомандировало отца в Отдельную Танкоремонтную роту на должность контролера, присвоив звание техник-лейтенант.

Это был решающий эпизод в военной биографии отца и для всей ветви его потомков. Он так комментировал это событие: «Конечно, до конца войны были сотни случаев, когда я мог погибнуть, но шансов выжить у меня стало больше».

Современный историк Исаев А. В. так определил «оборот» выбывающих из строя по родам войск советских солдат во время войны: авиация – 2 из трех, пехота 1,8 из трех, танковые войска – 1,5 из трех. К тому же база танкоремонтной роты наверняка находилась где-то в отдалении (1–2 км) от передовой, в отличие от позиций морпехов (просто на передовой), где отец провоевал более года (с июля 1941 г. по сентябрь 1942).

Отец проявил себя на новой службе безукоризненно. В «характеристике», составленной начальником ПРБ (полковой ремонтный батальон), отмечается, что он «показал себя как волевой, требовательный к себе и своим подчиненным командир, который систематически занимается повышением уровня своих знаний,

умеет мобилизовать личный состав на выполнение задач; знает хорошо ремонт боевых машин Т-26, БТ, танка Т-34 и КВ, а также колесных машин». В заключении отмечается, что в дальнейшем он может быть использован в должности помощника командира роты по технической части.

Все это, по моему мнению, свидетельствует о незаурядных способностях отца к освоению новой для него техники, так как танки содержат много узлов, с которыми он не мог быть знаком до войны. Добавлю также, что как контролера, его отличало стремление досконально докопаться до неисправностей и устранить их своими руками, а не с помощью одного указательного пальца, как это позволяла ему его должность. Об этом свидетельствуют следы масла на его медалях («За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За Победу»).

Следует отметить, что ремонтники танковых войск непосредственной поддержки стрелковых соединений принимали участие в боевых операциях прямо на поле боя и для ремонта подбитых танков, и просто в атаках в передовых порядках, - в отличии от истинно танковых частей, где их берегли.

В горячке боя общевойсковые командиры с этим не считались. Но именно за участие (и результативное) в боевых эпизодах отец был награжден боевыми орденами «Красной звезды» и «Отечественной войны» 2 степени, а вот за то, что при его участии были восстановлены десятки танков и автомашин «пяточка», - наградой стала медаль «За боевые заслуги».

Но возвращаюсь к делам на Ленинградском фронте. К январю 1943 г. создалась благоприятная обстановка для новой попытки прорыва блокады, так как все резервы вермахта были направлены на юг, для восстановления фронта после капитуляции группировки армий «Юг» под Сталинградом. Разгром немцев здесь сопровождался огромными безвозвратными потерями вермахта (1 млн человек). Когда еще наши войска добивали элитную 6-ую армию Паулюса в предместьях и развалинах Сталинграда, на другом конце советско-германского фронта началась 12 января 1943 г. операция «Искра», в результате которой была, наконец, прорвана блокада, а войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились (18 января 1944 г.). Однако отбить у немцев железнодорожные пути к городу не удалось. Коридор освобожденной территории составил всего 8–10 км шириной и простреливался артиллерией. Однако, за три недели по нему были проложены железнодорожные пути и построены четыре новых моста через Неву. Так что уже 7 февраля на Финляндский вокзал прибыл первый поезд с «Большой земли». Этот прорыв позволил быстро довести продовольственные нормы на человека в сутки до общесоюзных и восстановить производство боеприпасов в самом городе.

Если участие в операции «Искра» роль войск «Ораниенбаумского плацдарма» была вспомогательной, то через год при полном снятии блокады (операция «Январский гром»), роль войск «пяточка» стала решающей.

. Для этого скрытно с помощью кораблей Балтийского флота были переправлены сюда части 2-ой ударной армии, которые

прорвали оборону немцев, разгромили местную группировку и полностью очистили Ленинградскую область от врага, восстановив сообщение по железнодорожной ветке Ленинград-Москва. В этот период отец воевал в составе 56-ой «Пушкинской» стрелковой дивизии 2-ой ударной армии, действия которой до конца не были удачными (вспомним, Нарву часть 1). В ее составе отец освобождал Эстонию, где был ранен осколком в руку. У него была также контузия, что выразалось в периодическом подёргивании плечами и шеей. Что-то было и с легкими - результат, вероятно, его «прогулок» по льду Финского залива. Отец добрым словом вспоминал эстонских женщин, которые приносили в госпиталь раненым молоко и мед. Далее, воинская часть, где служил отец, вошла в состав 2-ого Прибалтийского фронта и блокировала Курляндскую группировку немцев в Латвии. В конце войны, уже в составе 5-ой гвардейской стрелковой армии, отец воевал в Польше и закончил войну под Лейпцигом (1-ый Украинский фронт), где в день Победы чуть не погиб в схватке с прорывающимися на Запад эсэсовцами, которые перед этим прошли через позиции расслабившихся (день Победы) войск 2-ой Польской армии. По словам отца, он в этой схватке был результативным наводчиком пушки танка Т-34-85. Об этом последнем периоде войны, отец с уважением отзывался о нашей промышленности, говоря: «мы давили немцев не столько численностью, сколько техникой».

И действительно, численность наших стрелковых дивизий в этот период войны редко когда превышала пять тысяч человек при штатной численности в десять тысяч. Вот танков наша

промышленность за время войны выпустила около 80 тысяч, а ведь еще и артиллерийские орудия, и самолеты (особенно штурмовики), и автоматическое стрелковое оружие, и потрясающие «Катюши» (земля горела, по словам отца).

Разговаривая с участниками Курской битвы, отец узнал, что самоходки САУ-152 (выпускаемые серийно всего за три месяца до начала Курской битвы) подвезенные в самый острый момент сражения к станции Прохоровка, и брошенные в бой прямо с платформы, - решили исход сражения, перестреляв с дистанции, казалось бы, непробиваемые «Тигры».

Он бы очень удивился современным исследователям, утверждающим, что мы завалили немцев трупами. Отец был убежден, что мы задавили немцев танками, их числом и качеством.

Другой составляющей нашей победы, вернее ее ускорения, были поставки прекрасных американских грузовиков «Студебеккер» (с начала 1943 г. после Сталинградской битвы). Про них он говорил мне, что «Студебеккер» брал на прицеп дивизионную пушку и тащил её по бездорожью как по асфальту. «Вот тогда, как они появились, у нас с немцами пошла игра на равных, - мы не уступали им в маневре». В 1944 году эти грузовики составляли 60% нашего автопарка, а присланные по ленд-лизу танки 12% от произведенных отечественной промышленностью. Важную роль сыграла поставка из Америки и Англии 18000 самолетов, большинство из которых превосходили по качеству советские аналоги. Прославленный советский ас, трижды Герой Советского Союза Александре

Покрышкин сбил 48 из 59 уничтожены им самолетов, летая на американском истребителе «Аэрокобра».

Советскому Союзу было поставлено около половины пороха и взрывчатых веществ от советского производства, огромное количество алюминия (половина советских самолетов была произведена из импортного алюминия), цветных металлов, металлорежущих станков, авиационного бензина, паровозов, вагонов и т. д. А ещё миллионы тонн продовольствия, которое иногда перепадало и гражданскому населению. Сталин благодарил союзников на Тегеранской конференции за огромную помощь по ленд-лизу: "без этой помощи", - сказал он, - "Советский Союз не смог бы выиграть войну"

Низкий поклон морякам и летчикам, и другим участникам опасных конвоев с грузами от союзников! Число погибших из них только в «Арктических конвоях» достигло трех тысяч, а ведь экипажи некоторых сухогрузов были добровольцами. Особенно ценили наши люди то, что в укромных местах в каждом самолете, грузовике или танке, - наши находили подарки от простых американцев и англичан, от чистого сердца даривших игрушки для детей, шоколадки, бутылочки вина или банки консервов.

Отец рассказывал мне, что на митингах в поддержку советского народа, организованным Еврейским антифашистским комитетом во главе с Михоэлсом в Америке, собравшиеся жертвовали огромные средства для советских людей.

Как сложилась судьба родственников отца во время войны

Тётя Женя с Валечкой уехали в эвакуацию из Москвы, а её муж дядя Яша без семьи целый год работал на строительстве метрополитена. Представляю, сколько им пришлось пережить, особенно тёте Жене с Валеёй, когда их высадили в чистом поле под Челябинском - в палатки; или дяде Яше, когда началась настоящая паника в Москве из-за приказа об эвакуации большинства учреждений города и посольств в Куйбышев. Напротив их дома на Никитском бульваре ставили аэростатные заграждения, а жители окрестных домов дежурили на крышах, чтобы вовремя нейтрализовать зажигательные бомбы. ПВО столицы было очень мощной, так что даже при массовых налетах к Москве прорывались в худшем случае десятки бомбардировщиков.

Семья тети Розы жила вместе с бабушкой в Крыму, а затем удачно была эвакуирована в Поти, где дядя Яша работал токарем на судоремонтном заводе.

Тетя Соня, как я уже отмечал, вместе с госпиталем эвакуировалась с левобережья Днепра в предместье Сталинграда, где похоронила нашу бабушку Шейну.

Затем госпиталь был направлен на Урал, где, кажется, под Челябинском был там до конца войны. Здесь она познакомилась с дядей Ефимом, бежавшим из Польши, который работал на танковом заводе. Они поженились и после войны выехали в Крым, сначала в Симферополь, а потом в Евпаторию. У дяди Ефима в Польше остались 2 сестер, которые все погибли в Варшавском гетто.

Я не знаю, где в начале войны была семья дяди Бори. Он был в Крыму видным чекистом, хотя в небольшом чине, но на должности начальника отдела контрразведки Крыма. Осенью 1941 г. в составе десанта Черноморского флота участвовал в освобождении Феодосии, где служил начальником милиции.

Тётя Соня с Аллой, Евпатория. 1950

В этот период он дал интервью писателю Константину Симонову, в котором тот упомянул о нем в своих изданных дневниках

Из военного дневника Симонова:

Местная власть помещалась в маленьком доме, уцелевшем посреди наполовину разрушенной улицы. Представителем местной власти оказался лейтенант государственной безопасности, среднего роста, усталый, видимо, замученный бесконечным количеством своих новых обязанностей человек, который сказал мне, что никакая другая власть в город еще не прибыла, так что он пока тут один за всех: и за председателя горсовета, и за начальника НКВД, и за начальника милиции. И швец, и жнец, и на дуде игрец.

— Никогда я не думал, что в городе столько сволочи, — сказал лейтенант.

— А много? — спросил я.

— Много. Черт их знает, откуда их столько набралось!

По его тону я понял: слова о том, что страшно много сволочи, не результат служебного рвения или профессиональной подозрительности, а грустные слова действительно удивленного человека.

Я невольно вспомнил один рассказ, который еще до войны хотел написать про Ялту, по так и не написал, только придумал название — «Город брошенных женщин». Это должен был быть рассказ о курортном городе, куда люди приезжают всего на месяц: первого числа начинают здесь свою жизнь, а тридцатого кончают, где приезжие чувствуют себя гостями и где все — любовь и привязанности — чаще всего на месяц. И перед глазами тех, кто живет в этом городе постоянно, вечно проходит калейдоскоп людей, которые приехали сюда ненадолго и которым здесь немного нужно. Пожалуй, это воспоминание не имело прямого отношения к тому, что говорил мне лейтенант, но мне подумалось тогда, что именно в таких курортных городках и должно было оказаться много всяких людей из прошлого, спрятавшихся, скрывшихся, тихо живших, чего-то ждавших, недовольных, а порой ненавидящих не только власть, но и всех тех, кто приезжает сюда на время, этих гостей из другой жизни.

Я сказал лейтенанту, что хотел бы поговорить с некоторыми из арестованных за сотрудничество с немцами. Он ответил, что едва ли это удастся сегодня, потому что раньше ночи он никого не будет допрашивать, а никаких помощников у него под рукой нет, и вообще он один.

— Ну ладно, — сказал он. — Вот бургомистр Грузинов, отпетая сволочь. Или начальник полиции — все понятно! Но вот вы мне объясните, товарищ. Здесь немцы две недели назад, к Новому году, открыли откровенную вербовку в публичный дом. Просто предложили добровольно туда записываться. Так вот здесь у меня документы из магистратуры есть. Оказались такие женщины, которые подали туда заявления. Ну, что с ними теперь делать? Публичный дом немцы не успели открыть — мы помешали. А заявления у меня. Ну, что теперь делать с этими бабами? Откуда они взялись? Пострелять их за это нельзя, не за что, а посадить... Ну, допустим, посадишь, а что потом с ними делать?

Я спросил его, где находится бургомистр.

— Бургомистра я передал в особый отдел армии, он там сидит...

В оставшемся от феодосийской поездки фронтовом блокноте сохранился короткий перечень фактов и имен, сообщенных мне в тот день лейтенантом госбезопасности Б. Г. Великовским. Вот он, этот перечень:

«Немцами расстреляно в городе 917 евреев. 1 декабря была проведена регистрация всех евреев якобы для работы. Велели им явиться с продуктами на два дня, а 3 декабря расстреляли всех, начиная с 12 лет. Детей до 12 лет усыпляли и отдавали матерям. Матерей расстреливали, а их, по существу, закапывали живыми. Отдельно вызывали крымчаков, 12 декабря. Явилось человек 300. Многие, наученные горьким опытом, разбежались. Все, кто явился, были расстреляны в противотанковом рву; расстреляли из пулемета и зарыли. Стоны раздавались два дня, и часовые никого не подпускали. Это было за известковым заводом бывшего Бедризова. Такую же операцию готовили и для караимов. Но не успели. Всю

эту регистрацию производила городская Управа под руководством Андржиевского и Грузинова.

Андржиевский Николай Иванович — инженер-строитель.

Грузинов Василий Софронович — специалист по плодоовощам и виноделию.

Гришин — начальник полиции, бухгалтер».

Затем в результате контрнаступления немцев в мае 1942 г., наши войска оставили Крым, а группа чекистов из Феодосии отступила и удачно добралась до Керчи. Город, и особенно пролив, немцы беспощадно бомбили, а у чекистов не было плавсредств. На счастье дяди Бори и его товарищей, их узнали моряки, участники Феодосийского десанта. Они предложили им места в большом весельном боте. Все его пассажиры под огнем немецких самолетов переплыли Керченский пролив. Но затем со всех ног были вынуждены бежать под обстрелом, как дядя Боря выразился - «жуткий марафон» по песчаной косе до какой-то станицы. Достигнув ближайшего сарая, «марафонцы» от усталости повалились на его земляной пол и проспали сутки. Когда проснулись и оглянулись вокруг, увидели, что сарай остался цел, а станица лежала в развалинах.

Со своей группой дядя Боря пешком направился в Новороссийск, где встретился со своими братьями - дядей Сеней и дядей Леней, что было отражено даже в местной прессе.

Дядя Сеня воевал как техник-инженер в истребительном полку. В боевых вылетах он участвовал редко из-за предвоенной травмы позвоночника, но как специалист был на высоте.

Дяде Лене повезло: его зенитная батарея отбивала налеты авиации немцев на Севастополь, но до летнего штурма города была переброшена в Новороссийск, так как город-порт не имел прикрытия с воздуха.

Я знаю со слов дяди Бори, что он был направлен сначала в Грузию, а затем в Крым, где воевал в составе партизанских отрядов.

Об этом есть в книге "Крымское подполье". Обстановка была сложная, так как большая часть баз с продовольствием и оружием была выдана немцам предателями из крымских татар, которые наводили также карателей на наших партизан и сами в них участвовали. Но как-то партизаны продержались до освобождения Крыма в мае 1944 г. Далее дядя Боря по заданию НКВД обеспечивал подготовку и проведение Ялтинской конференции руководителей трех держав-союзников. На него была возложена ответственная задача возглавить с нашей стороны охрану самого У. Черчилля. Дядя Боря рассказывал мне, что к прилету к трапу самолета У. Черчилля был подан большой английский лимузин с нашим водителем и дядей Борей в машине. Ехали в Ялту, вроде все нормально, и вдруг гость увидел какой-то «Виллис», и потребовал перебраться в него. «Виллис» – открытая машина, представляю переживания нашей охраны! Англичанин хотел показать, что у него с Рузвельтом общая переговорная позиция (даже на американской машине прибыл). Я думал, что это байка, однако в перестройку крутили по ТВ документальные хроники, и я сам видел сидящего рядом с водителем молодого тогда еще дядю Борю, а за спиной водителя боком сидел У. Черчилль.

После Крыма дядя Боря с семьей оказался в Киргизии, где вел работу по сотрудничеству с Китайской Народной армией.

По-моему, и дядя Сеня воевал на юге, а затем с семьей был направлен на Сахалин, где принял участие в войне с Японией. Дядю Ленью также после освобождения Крыма направили на Дальний Восток, причем он проездом был у нас на «Девятнике» и даже, я помню, помог маме собрать часть урожая картошки с выделенного от НАТИ участка.

Слава Богу, братья и сестры отца пережили войну и остались живы, чего нельзя сказать об их бедных родителях.

Боря

Три брата - Лёня, Боря и Сеня

Снова в Москве

После Курской битвы стало ясно, что произошел решающий поворот в войне в нашу пользу. Линия фронта откатилась к Днепру и весной 1944 г. мы, Чебоксарские переселенцы, получили предписание на возвращение в Москву.

Я смутно помню период 1942–1943 годов, проведенные в Чувашии. Осталось в памяти, что взрослые часто произносили слово Сталинград, но что оно означало - не понимал. Помню, что летом говорили о каких-то парашютистах, видел даже наших солдат,

прочесывающих лес. Больше ничего не помню, кроме того, что девочки из старших классов с разрешения мамы брали меня на прогулки с собой.

И вдруг весной 1944 г. все заговорили о Москве. Уже в вагоне поезда, идущего в столицу, выяснилось, что у мамы нет какого-то разрешения на возвращение домой. Со мной было проще: мне указали на какую-то тетю и сказали, что до Москвы надо называть ее мамой, и чтобы, не дай бог, не проговорился, назвав ее тетей.

Недалеко от Москвы по вагону пошли какие-то дяди-контролеры. Маму женщины спрятали под нижней полкой, а меня попросили не раскрывать рот. Пронесло! Однако опытные и осторожные подруги, решили второй раз не испытывать судьбу. Они посоветовали маме сойти пораньше и доехать домой с конечной станции трамваем. Мы так и сделали, и вскоре оказались в маленькой, даже мне памятной семиметровой комнате на «Девятинке».

Уже на следующий день, выйдя погулять во двор, я понял, что вокруг не теплый мир моего детства периода эвакуации, а нечто враждебное, где я не шестилетний мальчик, а какой-то «жид пархатый». Со мной не стоит знакомиться, чтобы играть и дружить, а надо просто бить, что и сделал какой-то большой рыжий мальчишка, предварительно объяснив, кто я такой на самом деле.

В комнате, где мы спали с мамой в одной кровати, не было отопления, и мы мерзли. Мама договорилась с каким-то Гришкой, чтобы он поставил нам печку «буржуйку». Он это сделал, выведя трубу дымохода прямо в форточку. Ветер подул не туда, и вся

комната наполнилась противным дымом, но повторно вызванный Гришка как-то справился с этой проблемой. Дом представлял собой убогое 1,5 этажное строение из кирпича. На нашем 2-ом этаже лестница переходила в коридор с просторным чердаком, где, наверное, хранилось сено для коз. Меньшую часть «второго» этажа занимало собственно жилье, состоящее из маленького коридора с печкой в углу, ведущего к нашей комнате (прямо от входной двери) и «апартаментов» соседей – семьи тети Паши. У соседей была одна большая комната, вторая поменьше (такая же как у нас) и темный «чулан», но рядом с «коридорной» печкой. Семья тети Паши состояла из шести человек: ее мужа (дяди Лени), старой матери, спавшей в чулане (не знаю кого она была мать, тети Паши или дяди Лени) и трех дочерей в возрасте от 22 до 28 лет, которые работали где-то на фабрике. Соседи относились к нам с симпатией и вниманием. Они рассказали маме, как доехать до каких-то «новых домов на «Красной Пресне», где без особых формальностей меня взяли в старшую группу детского сада, вместе с положенной мне продовольственной карточкой. По характеру, правда, девки тети Паши были «вырви глаз». Одна из них уже на следующий день по приезду завела меня в чулан и дала «курнуть». Я, конечно, закашлялся и заревел – был скандал. Но интересно, что это действие со знаком «минус» в итоге привело к результату со знаком «плюс». С тех пор желания «курнуть» у меня не возникало.

Походив недельку в садик, я заболел. У меня на груди образовался большой чирей, который несмотря на многократные втирания не проходил. Но однажды ко мне в комнату вошла одна из

дочерей тети Паши и, делая вид, что поправляет одеяло, резко нажала на грудь ладонью. Я взвыл от боли, на рубашку хлынул гной, но чирей прошел. Так второй раз действие со знаком «минус» привело к результату со знаком «плюс».

На «первом» этаже дома (фактически подвал) проживала еврейская семья Рубиных в составе матери-тети Клары и двух дочерей: симпатичной блондинки Ани и брюнетки с пышными волосами, но не очень симпатичной Нелли. Мы с ними общались, но не очень дружили. По легенде от тети Клары это была семья какого-то секретаря нашего посольства в Лондоне. Перед войной в их квартире в знаменитом «доме на набережной» делали ремонт, а на это время их переселили в этот подвал. Но началась война, ее муж оказался за границей и там умер. Вернуться в свою квартиру семье дипломата не удалось. Тетя Клара была темпераментная женщина и о своей жизни рассказывал маме, не стесняясь моего присутствия. Я помню, что она до войны делала восемь раз какие-то «аборты», и ничего – жива.

Все бы ничего, но до «садика» ехать (идти) было далековато, поэтому приходилось вставать пораньше, к чему я привык. Но зато с дворовыми «придурками» я не пересекался. Мама устроилась «надомницей» на работу: приносила на спине какие-то коробки с длинными резиновыми нитями, которые разбирала и соединяла узлами в нити определенной длины и количества в связке. Я пытался ей помогать.

В садике я научился рисовать лошадок и клеить из бумаги «пушки». Продукцию нашего детского творчества посылали куда-то

на фронт, откуда пришло к нам теплое письмо с благодарностью. По воскресеньям мы с мамой ходили в Планетарий или «Первый кинотеатр», который сейчас является «Театром киноактера». Репертуар был скромный, но все-таки кино! Конечно, ходили в гости к тете Жене.

Соня, Сеня и Лёня в гостях у старшей сестры Жени. Москва, 1950

Они жили на Никитском бульваре в доме между «Кинотеатром повторного фильма» и Арбатом. Валечка читала мне свои книжки, в том числе и учебники. Они занимали одну комнату в квартире, кажется, на три семьи. У них был газ, отопление и водопровод. Это было круто! Ведь мама еду готовила на примусе, который часто «чихал» из-за плохого качества керосина. Недавно Валечка напомнила мне, что в баню она ходила с нашей мамой довольно далеко, аж до Трехгорки.

Жить было можно, но голодно-вато: засыпая, я мечтал о куске хлеба с чесноком или солью. К счастью, не оставили нас своим вниманием друзья отца по НАТИ, особенно семья Витман. Мама получила по разнарядке участок земли под картошку, и мы с ней приезжали к ним в Лихоборы. Они жили в одноэтажном бараке, но в отдельной однокомнатной квартире с маленькой прихожей. Мы останавливались у них и вместе шли на поле, где сажали и окучивали картошку, боролись с сорняками. Я помогал взрослым, как мог. Все это происходило по воскресеньям и, помню, трудно нам с мамой было попасть в метро станции Краснопресненская. Ходил такой анекдот о знаменитом комике «Карандаше». Будто помощники вытаскивали на арену мешок с картошкой, он долго сидел на нем, ничего не говоря. Тогда ведущий спрашивал: «Ты чего сидишь на картошке»? Ответ: «Я посижу, да слезу, а вот вся Москва четвертый год на картошке сидит!». Так что нам попасть в толпе желающих на эскалатор в метро удавалось с третьего-четвертого раза.

Утром и вечером мы с мамой слушали радио («тарелка»), особенно внимательно сводки и информацию о Ленинградском фронте. Большое удовольствие я получал, когда вечером меня мама водила смотреть салют. Иногда они гремели по два раза за вечер. Так отмечались в Москве освобождение городов и другие успехи Красной армии.

После снятия блокады Ленинграда, от отца пришла посылка-длинная банка с американской тушеной колбасой. Мама, конечно, поделилась и с соседями, и с семьей тети Жени. В ответ дядя Леня

угостил меня булкой в виде плетенки с головкой голубя, у которого на месте глаз были вставлены изюминки (мне понравилось).

Вообще с лета 1944 года по настроению и разговорам взрослых чувствовалось приближение скорой победы. Никто не ожидал налетов немецкой авиации, хотя на «Бульварном кольце» продолжали ставить каждый вечер надувные аэростаты воздушного ограждения. Возникали стихийные рынки, где можно было купить (обменять) много чего. В «морском» магазине, что был на углу сегодняшнего Нового Арбата и Садового кольца (тогда улица Чайковского) иногда «отпускали» (без карточки!) кефир. Кажется, в конце августа 1944 г. по Москве провели большую колонну немецких военнопленных. Их вели по середине Садового кольца от улицы Горького (ныне Тверская) в сторону Киевского вокзала. Люди и мы с мамой, стояли по обе стороны проезжей части улицы молча - не свистели, не кричали, просто смотрели. Веселья не было, но и сочувствия к бредущим в бинтах фашистам тоже не было. Много позже историки отмечали, что на Тверской из окон в толпу немцев бросали хлебные куски, что вызвало удивление самого Сталина («отходчив русский народ»).

По-моему, в сентябре того же года, к тете Фире, проживавшей с семьей (дядя Яша и Эдик), приезжал дядя Илья Пинзур. Он был ранен, потерял глаз и, конечно, демобилизован. Он был у нас с мамой, а потом мы его провожали пешком до Красных ворот. Он рассказывал маме, как погибла его семья – тетя Ася с детьми в Дубровно. Об этой трагедии он узнал от соседей, посетив этот городок. Мама шла, вытирая слезы. Мне показалось, что она была

обижена на него за то, что перед уходом в армию дядя Илья не позаботился об эвакуации семьи. Тот оправдывался, как мог.

Вообще, по-моему, эвакуацию евреев планомерно проводили только в Крыму, а так все пустили на самотек. Результат – 2 млн погибших, жертв Холокоста в Советском Союзе.

Стали появляться в нашей комнатке сослуживцы отца, демобилизованные по ранению или выздоровевшие перед отправкой снова на фронт. Мы с мамой уходили ночевать к тете Жене, а за военными присматривала тетя Паша. Они, конечно, оставляли нам что-то из своих пайков. Рассказывали, что после снятия блокады, некоторые части Ленинградского фронта отводили в тыл для восстановления численности и боеспособности, а потом их переводили на другие фронты, чаще всего на Прибалтийские.

Во дворе появились невиданные ранее трофейные машины. Мы – ребята, не сразу восприняли их как «наши» машины, нажимали клапан от камеры. Шофера выходили, ругались, а иногда даже гонялись за нами. У кого-то во дворе оказался кирзовый мяч и мы, не зная правил, стали играть в футбол, т. е. били друг другу от ворот до ворот. У меня получалось стоять на воротах, а вот бить по чужим воротам не очень. *Однажды, когда мама забирала меня из садика, у нее в трамвае какой-то парень-вор из сумочки украл остаток (на неделю) продовольственных карточек. Как-то пережили эту неделю.*

Последние месяцы войны

Наконец, наши войска вошли в Германию. На «черном» рынке появились замечательные трофеи: красивая одежда (особенно женская), радиоприемники, часы, фарфор, ткани... Товары Европы в нищей и до войны стране! Соседка из подвала ходила в потрясающем зеленом костюмчике. Мама смотрела на нее с интересом, но без зависти. В голове у нее была одна мысль – поскорей бы целым и невредимым вернулся отец, а трофеи - не главное.

И вот наконец, долгожданная Победа!

По радио объявили, что предстоит необыкновенный салют, но я, к сожалению, его не увидел – заснул раньше времени.

По окончанию войны у отца был поход в Чехословакию, затем в Австрию и возвращение в Союз, конкретно в Западную Украину.

За два с половиной месяца до конца войны, отец «успел» так отличиться и по своей специальности, и в боях, что в награду к ордену он получил личный трофей – автомобиль «Опель Олимпия», причем за подписью самого Командующего 1-го Украинского фронта маршала И. С. Конева, которого отличала комиссарская щепетильность. На его хозяйстве не было масштабного мародерства и насилия. Еще в Польше на глазах мирных жителей по его приказу и решению трибунала на площади одного из городков было расстреляно 40 военнослужащих, запятнавших свою честь насилием над мирными жителями. А вот употребление спирта неизвестного

происхождения предотвратить не удалось. Даже у отца в роте отравился метиловым спиртом сержант, прошедший всю войну

Папины боевые награды

Часть 3.

После войны

Еще летом 1944 г. мама повела меня в школу № 593 на другой стороне Садового кольца. Ее директор, узнав о моем дне рождения и, посмотрев на меня, сказал: «Пусть еще погуляет годик». И вот, наконец, пришло и мое время пойти в первый класс. Через широкую автомобильную дорогу мама меня провожала раза три, потом я ходил в школу вместе с мальчиком из дома № 4 Павликом Беспрозванным. Движение тогда по Садовому кольцу было не очень напряженным. Классным руководителем у нас была Христина Ивановна. Она была строгой, но мы, дети, ее любили. Объясняла все четко, понятно. Мы ее слушались, но и побаивались.

Где-то в октябре из Западной Украины вернулся на побывку отец. Я отвык от него и как-то сторонился. Это был веселый загорелый дядя, который быстро избавился от военной формы и оделся в довоенный костюм и плащ, чтобы не тратить время, показывая командировочные документы многочисленным патрулям. С помощью супругов Витман, мы собрали урожай картошки. Сам он привез, конечно, банки тушенки, так что с едой у нас был полный порядок, «как в танковых войсках». Отец расспрашивал своих друзей по НАТИ о ситуации в институте. Они рассказали ему, что многие не вернулись с фронта, а их отдел еще не укомплектован. В результате отец принял решение остаться в армии. К тому же денежное довольствие в ней было больше, чем зарплата в НАТИ. В 1946 г. был

неурожай, а союзники неожиданно перестали поставлять нам продовольствие по «ленд-лизу». Из разговоров взрослых я узнал, что даже сгущенку приходилось делать самим. Словом, отец вернулся в свою часть, так как выжить в таких условиях семье было легче.

Учился я в школе хорошо, но читал не ахти. После окончания первого класса мама договорилась с детсадом отправить меня на каникулы с ним за город. Один раз мама приехала меня проведать. Я, конечно, обратил внимание, что фигура у нее сильно изменилась.

В начале августа в саду я заболел дизентерией, а затем в больнице скарлатиной. В общей сложности я провалялся в больнице месяца два, и из-за этого не смог пойти в музыкальную школу, куда был принят, сдав приемный экзамен по классу виолончели, о чем особо не жалею.

В больнице пережил много неприятных эпизодов. Прежде всего, в коридоре с малышами на руках обитали женщины, дети которых болели скарлатиной. Вдруг раздавался резкий крик отчаяния – детки умирали на руках матерей. Заболев сам скарлатиной, я был переведен в другой корпус, в палатах которого лежали и младшие, и старшие дети. Последние, конечно, издевались над малышами вроде меня. Другой неприятностью был, конечно, антисемитизм. Парень из Украины лет 14-ти рассказывал, как немцы собирали евреев из поселка, где он жил, и увозили их в грузовиках на расстрел. Две девки того же возраста с удовольствием слушали его, улыбались при этом, и требовали все новых и новых подробностей. Дома я застыл двух детишек-близнецов, которым сразу научился подавать соски-пустышки и бутылочки с молоком.

Утром до школы, я с бутылочками на обмен ездил на трамвае по улице Герцена (ныне Большая Никитская) три остановки до Никитских ворот, где был Молочный раздаточный пункт детского

питания. Однажды из-за «высоких» трамвайных ступенек я споткнулся и пролил из бутылочки ее содержимое на плащ какого-то дяди. Все заорали на меня, а он меня успокоил, взял платок и легко стряхнул жидкость, причем почему-то на плаще не осталось и следа (наверное, ткань была трофейная).

Однако жить увеличившейся семье в маленькой комнате без отопления и воды стало очень трудно.

Но мама нашла выход! Через свою подругу со двора Анну Гамал, она познакомилась с «какой-то тетей» из «высоких сфер» (мать какого-то зам. Наркома), у которой была лишняя жилплощадь. Купить «недвижимость» тогда было нельзя, а вот обменять с неофициальной доплатой было возможно.

Узнав о намечающемся «обмене», отец демобилизовался из армии, и на подаренном автомобиле, куда сложил кое-какие трофеи, рванул из Западной Украины в Москву. Продав почти все из «трофеев», он набрал нужную сумму и равноценный обмен состоялся.

Я помню, что зимой у нашего дома остановился грузовик-полупортка. В его кузов отнесли диван, кровать, детскую коляску и другой нехитрый скарб. Я сел в кабину и приготовился к долгой дороге, но грузовик выехал на «Девятинку», проехал мимо дома 10 и остановился во дворе дома 8, возле двухэтажного наполовину деревянного дома. Разгрузились и перенесли по лестнице вещи на 2-ой этаж, и прямо напротив входной двери очутились в роскошной двадцатиметровой комнате с потрясающей печкой-голландкой, которую сразу затопили: стало тепло, уютно, весело. Судьба снова

улыбнулась нашей семье. В квартире была кухня, газовые плиты, водопровод и о «роскошь» - туалет. Правда было еще шесть полных или частично семей соседей. Но у каждой семьи был кухонный стол со своей лампой, и своя лампа была в туалете (конечно, свой электросчетчик). Но вообще соседи были неплохие и все друг с другом ладили. Во дворе были сарай с дровами. У входа во двор была «пивнушка», так что «жить стало лучше, жить стало веселее, товарищи». У меня вскоре появился письменный столик, где я делал уроки, а в тумбочке держал свои учебники и книжки. Красота!

Отец сразу взялся за постройку гаража. Получил разрешение у архитекторов и на оставшиеся деньги построил прекрасный кирпичный гараж рядом с домом, но с внутренней стороны. В ответ мама сделала еще одно дело, важное по последствиям не только для нашей семьи. Однажды она пошла за хлебом (вниз по переулку в сторону Горбатого моста), и вдруг ей навстречу попала рыжеволосая женщина, которая внимательно посмотрела на маму. Разошлись, так и не признав друг друга. Тетя Маня Феллер (это была она) поднялась к нам в квартиру, узнала меня и подождала маму. Встреча была впечатляющей! У тети Мани был старый адрес, но тетя Паша отправила ее к нам по новому адресу. После этого мама озаботилась проблемой прописки тети Мани в Москве и конкретно у нас. Она написала письмо К. Е. Ворошилову, получила вскоре приглашение на аудиенцию, где четко и кратко изложила свою просьбу, подтвержденную письменным заявлением

*Софа, Маня Феллер, её дочь Лариса, Гена, Мама и Алла
Дитковская*

В центре Сима Бим с дочерью Витой

Получила «добро» на нем и тетю Маню прописали. Она и без этого сразу включилась в работу, оказывая помощь маме в стирке белья, колке дров, походов в магазины. Помощь тетя Мани была своевременна и бесценна, так как у мамы открылась язва желудка и справляться со всеми домашними делами ей было трудно.

Когда ребятки подросли, тетя Маня устроилась на работу в какую-то торговую палатку продавщицей, а позднее вышла замуж за очень симпатичного дядю - Осипа Грабарника. Дядя Осип воевал на Кавказе, а затем служил в составе наших оккупационных войск в Иране. Он рассказывал мне, что в одном из боев на Кавказе потерял свой роскошный смоляной чуб, который срезала пуля, прошедшая по касательной к его голове.

Позднее (в 1949 г.) у нас появился дядя Ефим Госданкер, который ухаживал за тетей Келей Феллер. Сам он был тоже из Дубровно, выглядел очень интеллигентно, нам с мамой понравился, а вот тете Мани почему-то нет (какой-то «сморчок в очках»). Но это «частное» мнение не сыграло никакой роли, они поженились и осели в Магнитогорске. Дядя Ефим заезжал к нам, готовясь сдавать экзамены в Московский экономический институт народного хозяйства, где успешно учился на заочном отделении. Позднее через нас к ним в Магнитогорск перебралась и тетя Леля Феллер.

Отец первое время зарабатывал на жизнь извозом. Тогда машин было мало, в основном трофейные, так что даже такая мелкашка как наша «Олимпия» была в фаворе. Затем кто-то рекомендовал отцу постоянных клиентов – двух священников, которых не смущало, что отец еврей и к тому же партийный. Вообще

они оказались очень хорошими людьми, и отец тепло о них отзывался. Так пережили трудную голодную зиму 1947 г., а летом родители отправили меня на каникулы в Симферополь к тете Соне и ее мужу дяде Ефиму Дитковскому. Они занимали одну комнату в кирпичном одноэтажном доме, двор которого был окружен каменным забором, одна из стен которого была общей со стадионом «Пищевик», где я впервые увидел «настоящий» взрослый футбол и заболел им на всю жизнь.

У тети Сони была одна большая книга – «История гражданской войны» под общей редакцией Л. Каменева и Г. Зиновьева. От делать нечего я сначала смотрел картинки, а потом стал кое-как почитать. В результате «обрел» вторую болезнь своей жизни – интерес к истории.

Тетя Соня работала врачом в местном лагере для военнопленных, которые строили и восстанавливали в городе дома. Немцы относились к тете Соне с подчеркнутой вежливостью (снимали шапки и кланялись при встрече). Лагерь представлял собой скопище одноэтажных бараков, «огороженных» забором из колючей проволоки, но только с одной стороны. Кино! Немцы спокойно фланировали по всему городу, но эксцессов с населением не было.

В конце августа я вернулся из Симферополя домой. В дороге за мной попросили присматривать семью офицера-пограничника. На вокзале меня встретил дядя Яша. Он сгоряча схватил (чтобы помочь) тяжелый чемодан семьи офицера и чуть не сорвал себе спину. Там было килограмм пятьдесят!

Но в доме меня ждал приятный сюрприз: годовалые «близняшки» научились ходить и с удовольствием произносили мое имя: «Эд-д-я!». Они выходили на лестницу, держась за перила, и ничего не боялись!

Отец устроился работать на какой-то завод (в Балашихе) местной промышленности, где стал начальником цеха производства шлакоблоков. Чуть ранее отмечалось памятное событие – 800-летие Москвы. Отец посадил в свое маленькое авто человек семь и прокатил по центру столицы, показав ее иллюминированный Кремль, Красную площадь, и другие памятники. Зрелище оказалось незабываемым.

Где-то в это время (сентябрь 1947 г.) отец продал свой авто и купил такой же Опель, но поновее. Знаете, у кого? У великого диктора Юрия Левитана. Я видел его во дворе дома 4, разговаривающего с отцом. Это был невысокий человек с еврейской интеллигентной внешностью. Голос свой по жизни берег, говорил негромко, как певец.

Летом 1948 г. родители решили снять дачу для детей в Подмосковье. Первый раз мы выехали с отцом на разведку по Можайскому шоссе в село Жаворонки. Договорились с хозяевами, приехали на грузовике с вещами, а они уже сдали дачу кому-то. Оказывается, отец не оставил им аванс, но они и не просили. Поспрашивали окружающих, и те навели нас на хозяйку, которая сдала нам две комнаты в своем доме. Улица, на которой стоял этот дом, была последняя в селе (10-ая Советская), довольно далеко от

станции. За ней начиналось поле и близко лес. Мы гуляли с мамой и малышами по полю, заходили недалеко в лес.

Я видел на окраине леса зайчонка. По воскресеньям к нам приезжал дядя Яша и Валечка (тогда субботы были рабочими днями). Вместе ходили собирать в лесу малину, ну и что попадетсЯ. Почему-то у мамы не было замка от ее половины дома. Уходя, она закрывала дверь к себе на щеколду, а я вылезал через окно, а потом закрывал его через форточку и сверху, и снизу. Открывал в обратном порядке.

Валечка, зная о моем зародившемся интересе к истории, рассказывала мне о Пунических войнах Карфагена и Рима, - было очень интересно. К Вашему дню рождения мама напекла пирогов из манки, и Вы встретили гостей с этими красивыми и вкусными «шинами» в руках. Всем понравилось и угощение, и сами детки.

Когда у нас с Галей появились свои дети, «я заболел» своей третьей по жизни болезнью: захотелось, чтобы и мои ребята отдыхали летом на дачах, снимал их, а затем «выбил» свою собственную и для института (76 участков, в 15 км не доезжая Можайска, в поселке Шаликово). Однако и времена, и предпочтения изменились. Фактически один раз лет пять назад у нас на даче провели два дня семьи Лени и Илюши вместе. Зато Ленина семья побывала в Париже и Риме, а Илюшина и того круче - от Тайваня до Доминиканской Республики. Только у Вас в Америке не пришлось, но может быть...

После 4-го класса в нашей школе № 593 произошли большие и не очень приятные изменения. До этого она фактически состояла из двух школ: первые два этажа были за мальчиками, остальные за

девочками (3-й и 4-й этажи). Раздельное обучение тогда было. Но после лета девочек куда-то выселили, и эту часть школы пополнили мальчиками. И, как водится в таких случаях, отнюдь не лучшими учениками. Дисциплина сразу упала. На переменах властвовала шпана. Из туалетов валил табачный дым. Определяя меня в эту школу, мама хотела избавить меня от общения с хулиганами, которыми славилась школа на нашей стороне Садового кольца - № 99. Но в нашей «новой» - старой школе их оказался переизбыток. А тут еще наступил 1952 г. с его «делом врачей» и открытой кампанией антисемитизма. Причин «дела врачей» я не выяснял. Мне кажется, что престарелых диктаторов тянет под конец жизни поквитаться за какие-то грехи с окружающими боярами («огонь по штабам» как Мао Цзэдун), с народом и интеллигенцией, чтобы не забывали («культурную революцию» на них) и особенно с евреями (кампания борьбы с «космополитами»), которые, конечно, всегда везде и во всем виноваты. В этом проявилась подлинная сущность «отца всех народов». Казалось, что приставать к народу, которого на территории твоей страны на две трети истребил твой главный враг Гитлер. Народ, который безусловно вел себя в только что прошедшей войне и сыграл колоссальную роль в только что успешно выполненном атомном проекте, как в плане агентурного раскрытия секретов атомной бомбы, так и в ее создании. Нет, надо очистить страну от прихвостней «сионизма». Для этого руководителя Еврейского антифашистского комитета Михоэlsa С. М. - убить, еврейский театр - распустить, врачей-вредителей в застенки, народ - в товарные вагоны и в Сибирь на поселения, а жен (евреек) ближайших бояр в

ГУЛАГ. Гуманнее, чем у Адольфа, но тоже какое-то «окончательное решение» еврейского вопроса.

Очень не хотелось мне в этот период (начало 1953 г.) ходить в школу. Антисемиты в нашем классе с удовольствием на переменах цитировали нам с Павликом Беспровзванным строчки из центральных газет, мало отличавшихся от перлов геббельсовской пропаганды. И вдруг, о чудо! Солнце наше закатилось. В школе бюллетени о ходе «Его» болезни читали нам учителя на переменах. Ждали даже, что освободят врачей – «убийц», которые помогут его вылечить. Но не срослось, «отец родной» умер. Объявили траур и тысячи людей, часто стихийными группами, бросились в Колонный зал. Для ребят с нашего переулка было «делом чести» прорваться к «нему» не в составе организованных колонн от стадиона «Динамо» по ул. Горького, а так, проходными дворами в центр к заветному зданию. Одному из них – Валерке Хомутскому (в будущем помощнику А. Бышовца - главного тренера нашей сборной по футболу, завоевавшей золотые медали олимпиады в 1988 года, ныне покойному) лошадь сломала ключицу, «боднув» головой, но прорваться не удалось никому. Мой приятель Боря Беляев попытался пройти вместе со всеми, для чего ранним утром дошел до Белорусского вокзала и под грузовиком пролез в официальную колонну. Солдаты из оцепления ему не препятствовали. Однако колонна еле ползла: за несколько часов дошла только до площади Маяковского, и он оттуда вернулся домой.

После смерти «самого» дела пошли интересней и веселей. Было объявлено, что «дело врачей» было сфабриковано агентами

западных спецслужб «типа Рюмина». Вскоре было принято решение об амнистии, в основном уголовников. В пивнушке «освободившиеся» друзья народа командовали: «Пивная встать! Выпить за здоровье Лаврентия Павловича!».

В конце лета свергли и его, а также Г. Маленкова, и воцарился Н. С. Хрущев. При нем вскоре было объявлено об ускоренных планах жилищного строительства.

В этом 1953 г. Вы пошли в школу на Б. Конюшковском переулке. Помню, на Вас приятное впечатление произвели рисунки моего приятеля Семена Галкина, учившегося там же. Хотя тетя Маня и дядя Осип уехали от нас в Расторгуево, прописаны они были у нас, поэтому мы имели шансы на первоочередное улучшение жилищных условий. Вы делали уроки за круглым обеденным столом, стало тесновато

Хотя тетя Маня и дядя Осип уехали от нас в Расторгуево, прописаны они были у нас, поэтому мы имели шансы на

первоочередное улучшение жилищных условий. Вы делали уроки за круглым обеденным столом, стало тесновато. Отец, работая в Балашихе, научился у заведующей лабораторией (по образованию химик-технолог) рецептурам и технологии лакокрасочных материалов, а затем самостоятельно организовал их производство на заводе стройматериалов Тимирязевского района.

Об успехах отца в этом новом для него деле стало известно руководству «Центракадемстроя АН СССР». Его пригласили организовать и возглавить лакокрасочный цех при заводе «Железобетонных изделий». Этот трест должен был построить «Академгородок», в состав которого могли войти целый ряд институтов ведомства Академии наук СССР, а также ряд жилых домов для сотрудников этих институтов. Надо ли говорить, что за квартиры в этих домах шла борьба внутри этих учреждений, но по решению ЦК часть жилых ведомственных домов передавалась строителям и распределялась с учетом жилищных условий претендентов и их заслуг. По этим двум пунктам отбора у отца был порядок: на площади в 20 кв. м. было прописано 8 человек. В плане заслуг тоже все нормально: продукцию цех отца выпускал высокого качества. Сам отец с удовольствием посещал построенные институты, где «стоят мои колера, замазки, шпатлевки и др.» Что касается стажа, то сам Центракадемстрой был только что образован. К тому же отец был ветераном войны, орденосецем и партийный. Так что претендент, что надо. А что касается национальности, то это даже плюс: можно без огласки и на лапу получить! Мечта отца, чтобы он и его семья могла жить в отдельной комфортабельной квартире, в

1956 году стала приобретать реальные контуры. Для этого оставалось отработать на стройке часов триста. Я уже тогда учился в МИХМе, и летние каникулы отработал в бригаде каменщиков (на подносе «снарядов» и прочих мелочей – раствора, песка, воды). Затем в ход пошли воскресенья и другие каникулы, а когда началась отделка построенного здания, то по воскресеньям ко мне присоединились и отец, и мама, и даже Софа и Гена (куда было деться). Словом, в конце 1957 г., мы получили квартиру, тогда по 3-му Академическому проезду д. 51, хотя и не ту, что нам обещали: были не те обои, что мы выбрали, не на ту сторону смотрели окна (северная сторона). Но здесь началась новая жизнь нашей семьи – без оглядки на соседей. Появилась хоть небольшая, но территория свободы, личной свободы, без которой самое хваленое общество нельзя считать достойным.

Здесь в полной мере проявились лучшие черты наших родителей: доброжелательность, гостеприимство, любовь к детям и своему народу. Но об этом периоде Вы, мои дорогие, должны помнить не меньше меня, и, если есть такая возможность и желание, Вы можете продолжить наш семейный альбом.

В заключении своих воспоминаний я не могу не коснуться еще раз темы великой человеческой любви наших, ушедших в мир иной, родителей. Когда отец умирал, он еще был дома и лежал в спальне, практически не произнося ни слова. Мама сказала мне: «пусть он не говорит со мной, но жив, я слышу его дыхание, я могу видеть его, и я счастлива».

Вспоминая эти слова, у меня до сих пор закипают слезы в душе. Я ни разу не слышал, чтобы отец накричал на маму за всю

жизнь, что я был с ними. Это ли не пример их высокой человеческой дружбы и любви достойных людей.

Но чтобы не заканчивать свои воспоминания на слишком трагической ноте, я хочу напомнить любимый, жизнеутверждающий тост отца:

«ВЫПЬЕМ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ, ЗА ПРОДОЛЖЕНИЕ РОДА ВЕЛИКОВСКИХ!»

Заключение

Дорогие родные и друзья!

Я надеюсь, что вы ознакомились с моей версией истории нашей семьи в начальный период ее существования от 1936 г. до конца 1957 г. В 1936 г. демобилизованный моряк Владивостокского Военного порта, шофер по специальности Великовский Танхум Гейселевич (1909 г.р. официально), уроженец деревни Красное Руднянского района Смоленской области, кандидат в члены ВКП(б), выходец из семьи кустика до 1917 года, а после крестьянина из той

же деревни, женился на дочери ткача из г. Дубровно Белорусской ССР- Шумячер Гинды Залмановны (1913 г.р.).

В этой семье на свет появился я в 1937 году, а потом в 1946 году мой брат Геннадий и сестра Софья.

До женитьбы отец в декабре 1935 г., уже переехал в Москву и нашел работу шофером в НАТИ. Сюда же переехала мама. Мы жили на Девятинском переулке до конца 1957 года, когда получили долгожданную отдельную квартиру в Академгородке по адресу 3-ий Академический проезд д.51, ныне ул. Ферсмана д.1к.1. С этого момента начался новый период истории нашей семьи, о котором в представленном тексте я упоминаю эпизодически.

Цель моих мемуаров — это оставить светлую память о моих родителях моим сыновьям и внукам, - хотя они меня об этом не просили, но все-таки...

Я благодарю своего брата Гену и сестру Софу за помощь в работе над этой историей, а также своих детей Леонида и Илью за редакцию текста и его пересылку Гене, с использованием современных технологий передачи информации.

Основным источником моих воспоминаний стали личные впечатления детского и юношеского возраста, а также семейные легенды в изложении родителей, беседы с родственниками и друзьями.

Второй источник информации – документы, найденные мной в Архиве Министерства обороны РФ, и хранящиеся до сих пор материалы личного дела члена ВКП(б) Великовского Т.Г., характеристика от его командиров, автобиографии и др.

Третий источники составная часть моих воспоминаний – это работы близких мне по взглядам современных историков Алексея Исаева и Елены Прудниковой, отразивших ту суровую эпоху с такими взрывами человеческих трагедий, как «Большой террор» и Вторая мировая война, - и субъективно переработанные в моем тексте в виде исторических справок.

Это время не смогли пережить сводный брат нашей бабушки Соломон Пинзур (расстрелян в 1937 году); Ася - старшая сестра нашей мамы и её маленькие девочки (убиты в июле 1941г после захвата немцами Дубровно), наш дедушка, который погиб мученической смертью от рук карателей спустя полгода после захвата деревни Красное, и наша бабушка, умершая в 1942 году от рака крови в госпитале под Сталинградом на руках своей младшей дочери Софьи.

Старшая сестра нашей мамы Ася

Когда я уже переслал Гене законченную версию моих воспоминаний, то неожиданно получил от него текст, составленный старшей из наших двоюродных сестер Галиной Семеновной Пинзур (Великовской), с помощью ее младшей сестры Лены. Этот текст называется «Моя родословная». Из этой родословной видно, что наша семья лишь ветвь большого "древа жизни" Великовских и их родственников по матери Шейны Пинзур. Наш "патриарх" Бениамин Пинзур был женат дважды, и его старшая дочь от первого брака Шейна Пинзур дала начало нашей большой семье Великовских. В 1898 году возник союз двух добрейших людей – нашего деда Великовского Гейселя Берковича (1870-1942, по данным автобиографии отца - кустика до 1917 года из деревни Красное Смоленской области) и 16 летней красавицы Шейны Бениаминовны Пинзур (1882 -1942) из г. Дубровно Белорусской ССР . Она была старшей дочерью купца 1-й гильдии Бениамина Пинзура (1856-1926).

Эта пара взяла на воспитание трех из пяти детей от первого брака Бениамина Пинзура, после смерти во время родов их матери Ханны.

У семьи деда и бабушки родились семь детей: Роза (1903–1994), Борис (Барух) (1906–1978), Семен (Соломон) (1909–1980), Евгения (1907–1994), Анатолий (Танхум) (1912–1987), Софья (1913–2010), Леонид (1915–1995).

Детям этой пары были свойственны такие человеческие качества, как доброта, семейная верность, любовь к детям и стремление дать им как можно лучшее образование, а также

взаимопомощь и отзывчивость, любовь к своему народу и уважение к хорошим людям других национальностей, личное обаяние.

Приведу только те примеры, которые коснулись лично меня. Когда в 1944 г. мы с мамой приехали в Москву из эвакуации, то сразу почувствовали, что жить вне коллектива НАТИ стало сложнее. Мама отдала мою продовольственную карточку в детский сад, а вот по воскресным дням приходилось проживать на ее одну, вдвоем было голодно. Что делать?

Не беда, пойдём в гости к тете Жене, там меня малыша подкормят, согреют и развлекут. Дяде Яше и Валечке я очень обязан своим развитием. У дяди Яши я научился играть в шашки и шахматы, у Валечки читать книги и учебники, да и просто беседовать с девочками.

Семья Великовских. Слева направо, сверху вниз: Роза Златина, Зина (жена Семёна), Леонид, Софья, Анна (жена Бориса) Роман (сын Анны и Бориса), Семён Златин (сын Розы и Якова), Яков

Златин, Семён, дед Гейсель, Борис. Симферополь, 1940

Валя Рубинштейн и Эдик

Слева направо, сверху вниз: Гена, папа (Анатолий), Софа, Яков Рубинштейн, мама (Галина), Евгения (жена Якова), Борис. Москва, 1950.

Позднее уже в г. Евпатория наша семья не раз проводила летний отпуск. Их квартира стала базой отдыха и нашей семьи, и моих

друзей. Представляю, сколько терпения нужно было иметь семье тети Сони, жуть!

В семье тети Сони и дяди Ефима летом 1947 года, я провел все лето.

Но и мы в свою очередь, принимали в Москве родных и друзей, так как в Москву вело множество железных дорог со всех концов страны. Семья дяди Сени останавливалась у нас (уже в 20-метровой комнате на Девятинке 8), когда переезжала из Южного Сахалина по новому месту службы, в поселок Щурово. Там же я прожил около месяца, когда готовился поступать в МИХМ. Был принят как родной сын. Такое не забывается.

Мало кто знает, что сын сестры бабушки тети Ципы, Веня, перед отъездом в США ухитрился перевести на меня двигатель от «Запорожца» из «своего» таксопарка в Киеве через Представительство Правительства УССР в Москве. Фантастика! И это во времена тотального дефицита.

Ефим Дитковский, Алла, Игорь, его отец Леонид Великовский, Софья, Инна (дочь Аллы), Евгения (жена Леонида). Израиль

*Зина, мама, Борис, Галина, её отец Семён, Софа,
Цина Герцеништейн. Щурово, 1956*

*Валентина, её муж Вениамин, Софа,
Сусанна Кравцова и Бела, 2010.*

Гена и Вениамин Герцештейн, 2010

А мой брат Гена! Он оставил перед отъездом в Израиль мне гараж и отцовский «Жигуль». Моя сестра Софа и ее муж Сталик приняли в США в своем доме нашу маму и ухаживали за пожилым человеком около 18 лет. Мое первое путешествие за границу состоялось в Израиль, где мы с Леной остановились у Аллы и Марка в Иерусалиме.

Провели незабываемую неделю, а под конец сложилось так, что семья Лениных друзей (три человека) вынуждены были просить переночевать у Аллы и Марека перед отправкой в Москву. Устроились великолепно! В тесноте да не в обиде! Примерно одногодки, мой Ленья, Софин сын Макс и дочь Аллы и Марка – Инна, встречались на нейтральной территории, где-то под Мюнхеном три раза и ничего, всегда есть о чем поговорить!

Инна Гольдшмидт (Реуэль)

Тетя Соня, повредившая в детстве ногу и хромавшая всю жизнь, говорила мне, что как врач по лечению детского туберкулеза в санатории города Евпатория, она с особым старанием и сочувствием все силы готова положить, чтобы вылечить девочек.

Как считал А. Эйнштейн - единственная настоящая роскошь на земле — это человеческое общение!

Таковы были наши матери и отцы от первого поколения Великовских и Пинзур!

Моя родословная

Галина Пинзур

(урожденная Великовская)

Мой прадед, ПИНЗУР ВЕНИАМИН (1856-1926) жил в Дубровне, был купцом 1-ой гильдии, имел свои баржи на Днестре.

Первая его жена, Хана, умерла молодой при родах, оставив шестерых детей (среди них ШЕЙНА, САМУИЛ, МАНЯ, БИНОМ, ЦИПА).

Старшей, моей бабушке ШЕЙНЕ, было 16 лет, младшей, ЦИПЕ, 3 года.

Вторая жена прадеда, ХАЙЯ (1880–1929), родила троих детей, СОЛОМОНА, ФИРУ, ИЛЬЮ.

МАНЯ (муж АЛТЕР БИМ), жила в Днепрпетровске, страдала сахарным диабетом. Имела сына ИЛЬЮ. Дочь Ильи и его жены Симы - Вита. У Виты был муж Адик Цацкин; их дочери Женя и Алла. Женя живет в Германии, у неё дочь Эльза, Алла - в Бельгии, её дочь Соня.

САМУИЛ жил в Киеве, страдал тяжелой формой диабета, был женат на женщине по имени Клара, имел дочь СУСАННУ, которая вместе с мужем МИХАИЛОМ имела очень талантливого сына ДИМУ. ДИМА закончил МФТИ, умер молодым.

Семейный портрет.

В центре сверху Анатолий (Танхум) Великовский, справа от него Фира Пинзур и Илюша Пинзур. Илюша был муж Аси, она сидит в первом ряду со своей дочкой (Асю с её двумя дочками убили немцы в 1941 году). Выше её Малка с мужем Соломоном (Соломон Пинзур был расстрелян в 1937 году), у неё на руках дочь Сусанна и рядом сын Миша. В центре наша бабушка Шейна Великовская, ниже её сестра Ципа, слева от неё Маня Пинзур; далее Веня с отцом Герцештейном. Слева от Анатолия его сестра Соня Великовская и рядом с ней Илюша Бим, сын Мани Пинзур. Красное, 1936 год.

*Михаил Вайншельбаум, Галина Пинзур - автор родословной, и
Сусанна. Справа: Дима Вайншельбаум.*

ЦИПА ГЕРЦЕНШТЕЙН (1896–1978) жила с мужем, ЯКОВОМ, в
Киеве, была портнихой.

*Фира Шифрин (Пинзур), Ципа Герценштейн (Великовская) и Галина
Великовская (Гинда Залмоновна Шумячер)*

Вениамин Герцештейн на свадьбе внучки Виты, 2010 год.

Их сын, ВЕНИАМИН, был механиком таксомоторного парка в Киеве, имеет сына ЭДУАРДА и дочь ИРИНУ. ИРИНА замужем за ЛЕОНИДОМ БЕЛЯВСКИМ, у них дочь ВИТА. Эмигрировали в США в 1990 году, живут в Нью-Йорке.

СОЛОМОН ПИНЗУР (1898–1937) (расстрелян) был человеком широких интересов, ярый сионист, член ЦК партии ПААЛ ЦИОН, играл на многих струнных инструмента, пел песни на идиш, был женат на москвичке, дочери николаевского солдата МАЛКЕ ЛАПИДУС.

Галя и Анатолий Великовские и Маня Пинзур (Малка Лapidус)

МАЛКЕ ЛАПИДУС жила в Москве, имела двух детей: МОЙСЕЯ (МИХАИЛА) (1929–1983) и дочь СУСАННУ КРАВЦОВУ.

МОЙСЕЙ был инженером, зав. лаборатории Стандартэлектро, имел несколько напечатанных работ, мастер парусного спорта, призер ВДНХ. Умер от рака. Был женат на ГАЛИНЕ ВЕЛИКОВСКОЙ.

Она хирург, кандидат мед. наук, имеет дочь ЕЛИЗАВЕТУ. Она врач, педиатр, репатрировалась в Израиль с мужем ГЕННАДИЕМ РАЙЗОМ, (ювелиром) в 1991 году.

Михаил и Галина Пинзур

Геннадий и Елизавета Райз

Дочь СОЛОМОНА, СУСАННА КРАВЦОВА (1935г.), медсестра, имела мужа МИХАИЛА КРАВЦОВА.

Их дети: СЕМЁН и ЯНА. В 1977 году семья эмигрировала в Канаду. СЕМЕН, жена НАТАЛЬЯ. ЯНА и ее муж РОН СИГУРДСОН имеют 3-х детей: ZACHARY, YOSH и SARAH. Живут в Виннипеге.

ИЛЬЯ ПИНЗУР (1908–1995), его первую семью расстреляли фашисты. Воевал, был ранен, контужен, имел награды. Со второй женой РАЕЙ имел двух дочерей. ЗИНАИДА вместе с матерью эмигрировала в 1996 г. в США, АННА с 1996 года живёт в Израиле, имеет дочь ОЛЬГУ и сына МИХАИЛА.

Сводная сестра бабушки ФИРА была замужем за ГРИГОРИЕМ ШИФРИНЫМ.

Их дочь, БЕЛА, жила с матерью в США. Сын ЭДУАРД ШИФРИН (1940–2021), канд. мед. наук, профессор; Он был зав. хирургическим отделением в больнице Ихиллов, а также главным сосудистым хирургом Израиля. В стране с 1971 года. У него два сына - ЛЕОНИД и ГРИГОРИЙ и дочь ТАЛИ.

ШЕЙНА (1877–1942) – моя бабушка, вышла замуж за дедушку ГЕЙСЕЛЯ ВЕЛИКОВСКОГО (1870–1942) в 16 лет. Они имели 7 детей: РОЗА, БОРИС (БОРУХ), ЕВГЕНИЯ (ГЕНЯ), СЕМЁН (СОЛОМОН), АНАТОЛИЙ (ТАНХУМ), СОФА (ШИФРА), ЛЕОНИД (ЕВНА). Бабушка была умна, красива, добра. Она взяла к себе своих единокровных брата и двух сестёр. Страдала от заболевания крови (болезнь Аддисона-Бирмера).

РОЗА (1904–1994), в замужестве ЗЛАТИНА, жила в Крыму, потом в Потти. Со своим мужем ЯКОВОМ она имела двух сыновей – ВЕНИАМИНА, СЕМЁНА и дочь ЕВГЕНИЮ.

Дочь РОЗЫ и ЯКОВА - ЕВГЕНИЯ, техник, имеет дочь ЯНУ. В 1993 репатрировалась в Израиль.

Роза (урожденная Великовская), Женя, Семён и Яков Златин.

ВЕНЯ умер ребёнком. СЕМЁН (1929–1979), был механиком.

Его дети: ЕВГЕНИЯ, ВЕНИАМИН И АЛЕКСАНДР. Дети ЕВГЕНИИ – АНАТОЛИЙ, АЛЕКСАНДР. Дети ВЕНИАМИНА – СЕРГЕЙ, АЛЕКСАНДР.

Слева направо, сверху вниз: Лина, Женя, муж Лины Витя, Галя, Гена и Яна

БОРИС (БОРУХ) ВЕЛИКОВСКИЙ (1906–1978) учился в гимназии; подполковник, до войны он был начальник НКВД Симферополя. Служил в контрразведке, орденосец, охранял встречу Атапюрка с советскими представителями в Крыму, а также нес охрану во время Ялтинской конференции, встречался с Черчиллем и Рузвельтом! Во время войны он организовал партизанский отряд, об этом есть в книге "Крымское подполье". Участвовал в десанте на Феодосию. После войны служил во Фрунзе (Бишкек). В последние годы жил в Гомеле. Умер от цирроза печени. Жена АННА (Ханна, урожд. Шарф) (1907–1990), у них двое детей: сын РОМАН и дочь ЕЛЕНА.

*Анна и Борис Великовские с сыном Романом.
Справа от Анны Софья Великовская*

РОМАН (1930–2015), учитель истории, поэт, жил в Смоленске. Его сын ЮРИЙ живет в Москве и имеет двух детей: сына Диму и дочь Дину, которая постриглась в монастырь и приняла схиму под именем монахиня ЕЛИЗАВЕТА.

ЕЛЕНА (1946) генетик, доктор наук, с мужем МИХАИЛОМ ТЕШПЕРОМ с 1989 года живет в Израиле, у них трое детей: МАЯ (Юля) ХАНИК БЛЮМ. Её дети – ДАНИЭЛА, ЭВА, МАОР. РИММА

ЛАНГЕР, её сын ИЛАЙ. РЭЙ и его жена АЛИНА имеют двух детей НИКОЛЬ и ИТАН.

*Лена с младшим внуком
и Майя*

*Солнечный
Иерусалим*

ЕВГЕНИЯ ВЕЛИКОВСКАЯ (1905-1989), папина сестра.

Борис Великовский, Яков Рубинштейн и его жена

Евгения Великовская

Окончила курсы бухгалтеров и приехала в Москву. Человек широкой души, хлебосольная, родная душа. Она вышла замуж за дядю ЯШУ РУБИНШТЕЙНА. Жили они на Суворовском бульваре в коммунальной квартире 12 кв. м., но к ним приезжали не только родственники. Папа отправлял своих знакомых со словами: "у меня в Москве есть сестра, она обязательно вас примет". Тетя Женя было крупная женщина с очень выразительным лицом. Когда приходила она ко мне на работу, мои медсестры говорили, что она, наверное, было очень красива в молодости. Позже их выселили из центра, и они получили квартиру в Черемушках. Тетя Женя страдала стенокардией

и хроническим холециститом - семейный порок. Похоронена на Востряковском кладбище.

*Женя, Соня, Сеня и Лёня в гостях у Жени и Якова Рубинштейн.
Москва, 1951*

Дочь Евгении и Якова ВАЛЕНТИНА, санитарный врач, замужем за ВИЛЕЙ ВИНКЕРМАНОМ, имеет сына ВИКТОРА и дочь МАРИНУ. У ВИКТОРА есть сын ИЛЬЯ.

Виля Винкерман, его жена Валентина Рубинштейн и их сын Виктор

СЕМЁН ВЕЛИКОВСКИЙ (1908-1980), был первым трактористом в крымском еврейском колхозе, окончил сельскохозяйственный техникум в Ленинграде, был 100-тысячником-добровольцем для работы в колхозах Сибири. Потом окончил Качинское лётное училище. С 1931 года служил в морской авиации. На фронте с первых

дней. Участвовал в войне с Японией. Имел 14 правительственные награды, кавалер 4-х орденов Красной Звезды, умер от рака.

Его жена - ЗИНАИДА (урожд. МИНКИНА) (1912–1979), была учительницей. Их дочери – ГАЛИНА, ЭЛЬВИНА, ЕЛЕНА.

ГАЛИНА ПИНЗУР, хирург, кандидат мед. наук, ее муж МИХАИЛ ПИНЗУР, дочь ЕЛИЗАВЕТА РАЙЗ, её муж ГЕННАДИЙ (ДАНИЭЛЬ) РАЙЗ, ювелир. В 1991 году репатриировались в Израиль.

Три сестры: Галя, Леночка и Элла

ЭЛЬВИНА АЗИЗОВА, окончила Архангельский Лесотехнический Институт. Её муж – АЗИЗОВ АНАТОЛИЙ. Их дочери – СВЕТЛАНА и АНАСТАСИЯ.

СВЕТЛАНА АЗИЗОВА, химик, замужем за ВИКТОРОМ ЗИНОВЬЕВЫМ, имеет дочь ОЛЬГУ.

АНАСТАСИЯ ПОЗИРАЙЛО, учительница, была замужем за АЛЕКСЕЕМ Позирайло, имеет сына АНАТОЛИЯ.

У АНАТОЛИЯ трое детей - ОЛЕГ, МИХАИЛ, МАРИЯ.

ЕЛЕНА ВЕЛИКОВСКАЯ, инженер, окончила МЭИ, замужем за ГАРРИ ЗАЛЬЦБЕРГОМ. У них две дочери – АННА КАШИРЦЕВА и ДИНА ВЕЛИКОВСКАЯ.

Лена и Алик

У АННЫ КАШИРЦЕВОЙ с первым мужем МИХАИЛОМ трое детей – ДАНИИЛ, АЛИСА И ЮЛИЯ КАШИРЦЕВЫ. Второй муж ПАВЕЛ БОРОДУЛИН.

У ДИНЫ ВЕЛИКОВСКОЙ и её первого мужа ВАСИЛИЯ КУЗНЕЦОВА есть сын НИКИТА КУЗНЕЦОВ, со вторым мужем, ФЛОРИАНОМ ГРОЛИКОМ, имеет сына ИЛЬЮ ВЕЛИКОВСКОГО.

АНАТОЛИЙ (ТАНХУМ) ВЕЛИКОВСКИЙ (1910-1987), был танкистом на фронте, орденосец, капитан запаса, был женат на Галине. Их дети - ЭДУАРД, СОФЬЯ, ГЕННАДИЙ.

Семья Великовских: слева направо, сверху вниз: Эдик, Анатолий, Гена, Галина, Софа

ЭДУАРД окончил МИХМ, женат на ГАЛИНЕ. Их сыновья – ЛЕОНИД и ИЛЬЯ.

Галина и Эдуард Великовские

У ЛЕОНИДА дочь СОФЬЯ и сын МАРК.

Леонид Великовский, его жена Татьяна и Сонечка.

У ИЛЫИ двое детей – МАРИЯ И МИХАИЛ.

Машенька, Миша, Анна и Илюша Великовские

Миша и Маша Великовские

СОФЬЯ СЕВЕРИНОВСКАЯ, окончила МАТИ, с мужем, СТАЛИКОМ СЕВЕРИНОВСКИМ, эмигрировала в США в 1989 году.

Имеет сына МАКСА. Дети МАКСА и его жены МАРИИ - сын АЛАН и дочь АРИЕЛЬ

Софа, Мах и Сталик в Италии - на пути в Америку. 1989 год

Макс Севериновский и его семья: Алан, Маша, Ариель, 2019

*Слева направо и сверху вниз: Маша, Сталик, Софа, Гена, Ариель,
Аланчик, Мама и Бела - жена Гены*

ГЕННАДИЙ ВЕЛИКОВСКИЙ, закончил МАИ. Первая жена ЕЛЕНА, дочь ЮЛИЯ, трагически погибла. Вторая жена БЕЛА БРАЙЛОВСКАЯ

Фотография сделана во время жизни в Израиле. Назарет, 1991

С Белой в Америке, Вермонт, 1996

СОФЬЯ ВЕЛИКОВСКАЯ (1913–2010), врач. Во время войны работала в санитарном поезде, потом в госпитале в Сталинграде. Затем много лет работала в лечебном санатории в Евпатории. Замужем за ЕФИМОМ ДИТКОВСКИМ

Их дочь АЛЛА ДИТКОВСКАЯ, окончила МАИ, замужем за МАРКОМ РЕУЭЛЕМ.

Их дочь ИННА ГОЛЬДШМИДТ и ее муж МАРК ГОЛЬДШМИДТ,
дети: БЕНИАМИН, ШАНИ и РОНИ.

*Инна Гольшмидт, Бениамин, Шаня, Марк Гольшмидт, Алла, Рони
и Марк Реуэль*

*Лена и её семья в Москве, на следующий день они улетели на родину
(в Израиль).*

Рассказ Аллы Дитковской

Папа из города Крынки, это неподалёку от Белостока; у него было две старшие сестры, одна из них была замужем и уже был ребенок, но были и родители. Сёстры и все папины родственники погибли в Освенциме (Аушвиц). У папы в Израиле были двое двоюродных братьев - тоже Дитковские. В его семье была традиция посылать 18-летних юношей в Израиль, но папа не успел, так как в 1939 году в Белосток пришли русские и его взяли в красную армию. Зимой у него развился тромбофлебит, и его после выписки из госпиталя направили работать в госпиталь под Челябинском, где он встретился с мамой. Она к тому времени уже перестала работать в санитарном поезде, который перевозил раненых в глубь страны.

Галина Пинзур продолжает

ЛЕОНИД (ЕВНА) (1916–2006), подполковник в отставке, служил в морской артиллерии. Начал службу в береговой охране Севастополя. В первые часы войны уничтожил первый вражеский самолёт. Дважды кавалер орденов Красной Звезды и Красного Знамени. Был женат дважды. Первая жена АННА, сын МИХАИЛ (1945–1999), его дочь МАРИНА.

Вторая жена-ЕВГЕНИЯ (Гения, урожд. Фридман), их сын ИГОРЬ ВЕЛИКОВСКИЙ, (1954–2001) майор, синоптик, умер от лейкемии.

Жена ТАТЬЯНА ВЕЛИКОВСКАЯ (урожд. Гительман), фармацевт. В 1995 году они репатриировались в Израиль из Евпатории.

Их сыновья СЕРГЕЙ (САГИ) и АЛЕКСАНДР. САГИ с женой ОЛЬГОЙ и детьми, ИГОРЕМ и МАРКОМ, живёт в Канаде, в Ванкувере; АЛЕКСАНДР с женой АЛЁНОЙ и сыном ДАВИДОМ живёт в Израиле.

О дедушке ГЕЙСЕЛЕ я знаю только, что его отец утонул, когда дед был маленьким, его воспитала мать РИВА. Она была богатой, имела

маслобойню. Её отец, ИОСИФ, жил 105 лет. Дедушкина сестра ФАНЯ, была врачом, умерла от туберкулеза (от несчастной любви к русскому парню). Знаю также, что дедушка очень любил лошадей, занимался извозом.

Жил в селе (станция) Красное, Смоленской области. В 1928 году семья дедушки уехала в еврейский колхоз в Крыму. Жили они на 121 участке Джанкойского района, где мой папа был первым трактористом.

Моя тетя РОЗА там вышла замуж, папа уехал учиться, а остальные в 1930 году вернулись в Красное.

Дедушка был хлебосольным, широкой души человеком. В селе его очень уважали. Когда началась война, он попал в оккупацию. Полгода соседи его скрывали в подвале. Кто-то донес. Фашисты пригрозили спалить село, если его не выдадут, дед вышел сам. Его, как еврея и отца 4-х офицеров Советской армии, казнили прилюдно, отрезали руки, а потом повесили

Такова моя родословная со стороны бабушки Шейны и дедушки Гейселя Великовских

Последний раз мы были в Красном в 1939 году- мне 6 лет. Я прекрасно помню большой дом и его обитателей. Летом приезжали родственники до 30 человек. Обстановка была доброжелательная, много шутили, смеялись, подшучивали. Бабушка была дородная, очень гостеприимная, с белыми, белыми волосами. На плите стоял ведерный самовар, далее длинный стол и лавки. Детей кормили отдельно. Дедушка был с рыжими волосами с проседью, очень подвижный. Я была его любимой внучкой. До меня были Сема и Рома. Дедушка мне все позволял. Я могла доить корову себе в рот, он, как и бабушка, был очень хлебосольным человеком, не пил. Последний раз я видела деда в 1940 году, когда он приезжал в Симферополь – есть общее фото. У бабушки и дедушки было 7 детей: 4 сына и 3 дочери. Причем, бабушка рожала каждые 1.5 года: девочка, мальчик. Между папой и дядей Толей была девочка, которая умерла. Бабушку звали Шейна (красивая), она и была красивой. Много читала, соблюдала традиции. У нее была болезнь Адисона-Бирмера: заболевание крови, сейчас считается злокачественным. У трех ее сыновей была онкология. Она лечилась в Симферополе. В 1941 году бабушка приехала в Симферополь. Началась война. Вместе с семьей тети Розы она отправилась в эвакуацию. По дороге их бомбили. Они с трудом добрались до Сталинграда, где служила тетя Софа. Тетя Роза уехала с детьми в Потти, куда был эвакуирован завод дяди Яши. Бабушка умерла на руках у тети Софы от сердечной недостаточности в декабре 1942 года, ей было всего-то 64 года! Дедушка остался в Красном, моя тетя Люба уговаривала его уехать

на подводе и увезти детей и мою вторую бабушку Песю. В Красном жил "цадик" Белкин, который говорил, что уничтожение евреев - советская пропаганда, немец в 1914 доходил до Смоленска и не трогал евреев. Дедушка остался. Его полгода прятали соседи, но нашелся предатель и немцы объявили, что если не выйдет к ним Геська - отец 4 советских офицеров, то они уничтожат село. Дедушка вышел... Над ним издевались, а потом повесили в феврале 1942 года на воротах собственного дома. Его внук Рома написал об этом стихи - "Зарубки на сердце".

Тётя Роза родилась в 1903 году – старшая папина сестра. Училась в гимназии, знала русский и идиш; много читала. В 1925 г. она вышла замуж за Якова Златина. В 1928 г. у них родился Сёма, они жили в Крыму, потом переехали в Симферополь Мы в то время жили на ул. Луговой. Комната на земле -12 кв. м. Нас там жило 7 человек. Все удобства были во дворе. Во дворе был красивый сад и много было жильцов; в туалет всегда была очередь. Зато в саду росли абрикосы, туювник, черешня и орехи. Наверное, в 1936 папа получил комнату на ул. Декабристов, а Златины остались на Луговой. Тетя Роза много болела. Я помню, что, когда у моей сестры Элочки случился ложный круп, тетя Роза шла к нам с палочкой, а ведь ей было всего 34 года. Они жили в Потти, но почти каждое лето приезжали к нам. Даже жили один год: Женечка училась с Леночкой, а тётю Розу с помощью дяди Толи положили в больницу в Москве. В Потти умер Веничка, а в 1947 родилась Женечка. Дядя Яша ушел в 1968 г. Тетя Роза с Женечкой и Яночкой приехали в Израиль в 1993 г. Они поселились в Герцлии. Тогда еще здесь жил и Гена Великовский, который старался Жене помочь, особенно после того, как тете Розе ампутировали левую голень по поводу гангрены. Она умерла в 1994 году.

Теперь о папе: он родился в 1908 году, но записали 1909 год рождения, чтобы выдать за двойняшку дяди Толи, - в таком случае в России брали в армию только одного из братьев, но в советское время это не помогло. Папа ходил в хедер, знал идиш. С приходом советской власти вел активную жизнь, даже играл в молодежном спектакле Христа. На это обиделись соседи христиане и пришли к

дедушке с просьбой наказать "антихриста". Папа вернулся домой, и дедушка огрел его вожжами; папа выскочил в окно и убежал из дома, после чего добрался до Крыма, где в это время Джойнт помогал осваивать северную часть полуострова. Папа стал первым трактористом, ему выделили землю, он построил дом, завёл корову и вызвал родных. Дедушке в Крыму не понравилось, и он вернулся в Красное. Папа уехал в Ленинград учиться в сельхозтехникум. В Ленинграде он жил у каких-то знакомых, спал на сундуке и очень плохо питался. В 1929 он - 100 тысячник - боролся с кулачеством, а с 1930 служил в армии. Его послали учиться в Качу в лётную школу. Это знаменитое училище, в котором начальником был Каманин - в будущем учитель космонавтов. В 1931 г. папа женился на Минкиной Зельде Евелевне (Зинаиде Львовне). Папу перебрасывали с одного аэродрома на другой. Мама помнит 26 квартир, я только 18! Я родилась летом 1933 г. в городе Смоленске, откуда мы уехали через 3 месяца, и только в 60-х годах я увидела город, который считается моей родиной! Про комнату на ул. Луговой я писала, позже папа получил комнату в 20(!) кв. м. на ул. Декабристов. Комната большая, но все удобства также во дворе, как и вода. Был большой сад, где росли вишни и яблоки. К нам приехала мамина сестра тетя Люба с сыном Геной, мы с ним ходили в детсад. В 1937 году родилась Эллочка. Мама училась в пединституте, а папа служил в Евпатории, куда я к нему приезжала. Помню, как мы с папой пели патриотические песни. Мы жили в Джанкое (Бююкан Ларе). В начале 1940 папу перевели в Одессу. Везде мы жили на аэродромах. В конце мая мы с мамой поехали в Симферополь, туда должна была приехать моя бабушка по маминей линии и ее сестра тетя Рая, но так случилось, что приехала только тетя Рая. Мы поехали в Евпаторию, чтобы вернуться в Одессу морем, но началась война и мы вернулись в Симферополь. Целый месяц не могли выехать из Симферополя и только благодаря дяде Боре мы уехали последним пассажирским поездом. Мы были удивлены, что все были на месте. Продолжались бомбежки и жен военных решено было эвакуировать. Комиссар ходил по квартирам и обещал, что через 2–3 месяца все вернутся и не надо брать с собой вещи. В начале августа мы последним эшелонам уехали из Одессы. По дороге нас

бомбили и ехали мы до Ярославля целый месяц. Папа воевал сначала в Крыму, где получил свой первый орден Красного Знамени, а затем на Белорусском фронте. Он ничего не знал о нас и ему дали 10 дней-разыскать семью. Он приехал в Ярославль к маминной сестре тете Рае и узнал, что мама с Эллочкой на даче, а я в пионерском лагере. В 1944 папу перевели на Северный Кавказ, и он приехал за нами; по началу мы были на Северном Кавказе, а затем опять в Крыму. Мы жили в Симферополе и очень голодали, ну а папу перевели воевать с японцами на Дальний Восток. Мама пошла работать, а я училась и с нами жила тетя Рая. Когда закончилась война с Японией, папа забрал нас на Южный Сахалин, там в 1946 родилась Леночка. Мама занималась общественной работой, а мы учились и старались участвовать во всех праздниках. Помню, что перед новым годом мы сделали много бумажных цепей на елку, но пришел комиссар и все забрал, так как Сталин сказал, что "нельзя заковывать детскую радость в цепи" - нам было очень обидно... На Сахалине нам давали пайки, но все было из концентратов и тогда папа завел кур, уток, гусей; осенью папу перевели для повышения квалификации в город Молотов – теперь Пермь. В 1949 его отозвали в Москву, и он получил назначение на военную базу, и мы жили на съемных квартирах, а в 1952 г получили целый дом в городе Щурово на Оке. Наконец-то у нас появились три комнаты и большая кухня! Папа все преобразил: сделал туалет в доме и посадил сад. Где бы мы ни жили – папа сажал сады! Он демобилизовался в 1955, а в 1956 я вышла замуж за Мишу Пинзура, закончила институт и переехала в Москву. Стала работать участковым врачом. В 1958 родилась Лизочка. Мы все жили в большой квартире в Большевикском переулке. В 1961 Сусанна - сестра Миши - вышла замуж, а в 1962 году дом пошёл на слом и нам дали однокомнатную квартиру на Почтовой улице, а бабушка Маня получила квартиру напротив Курского вокзала. В 1961 г. папа, мама и Леночка переехали в гор. Дедовск Московской обл. Папа всегда любил землю, - мы купили садовый участок и построили небольшой домик; папа после катастрофы 1939 года всегда жаловался на боли в спине и с возрастом присоединился деформированный артрит коленных суставов - он ходил с палочкой. Эллочка окончила лесотехнический институт в Архангельске и

работала в Истре, там она встретила Толика и вышла замуж, у них две дочери-Светочка и Настенька. Толик умер в 1993 г., а Света вышла замуж за Виктора Зиновьева и у них родилась прелестная Олечка, которая сейчас учится в институте. У Настеньки родился Толик, который стал отцом: у него трое детей Олег, Миша и Машенька, так что Эллочка стала прабабушкой. Леночка закончила Энергетический институт; вышла замуж за Гарри Зальцберга, у них также две внучки Анечка и Диночка - наша гордость - режиссер мультипликатор. У Анечки трое детей - Даниил, Алиса и Юленька. У Дины два сына -Никита и Илюша. Мама моя умерла в 1979 в возрасте 67 лет, у папы был рак языка, и он пережил маму только на один год - он умер в 1980 году в возрасте 71 года.

Дополнения и комментарии Эдуарда Великовского

По отцовской документации до войны его старшая сестра Роза работала в Крыму, в Управлении НКВД. Кем – не сказано. Брат отца Борис служил в органах госбезопасности, начальником оперативного отдела Крымской автономии.

Во время войны в декабре 1941 года участвовал в Феодосийском десанте Черноморского флота, а после освобождения города служил начальником милиции. Удачно отступил вместе со своей группой через Керченский пролив на Таманский полуостров, а затем в Новороссийск. Позднее был направлен в Крым для организации контрразведки в партизанских соединениях полуострова. Вероятно, его работа была высоко оценена руководством, и он в феврале 1945 года был привлечен для охраны участников Ялтинской конференции трех держав, будущих победителей. Борис Григорьевич руководил охраной У. Черчилля во время его прилета на аэродром города Симферополь и далее в Ялте.

По окончании войны, был переведен в Киргизию, где возглавил отдел МГБ Киргизской Союзной Республики. По его словам, он создал агентурную сеть по наблюдению за Мао Цзэдуном, националистические настроения которого и его политика устранения интернационалистов в руководстве КПК вызывали большое беспокойство И. В. Сталина.

Его сын Роман – учитель истории, увлекался исследованиями в этой области. Я помню, что где-то в году 1957 он дал мне почитать свое эссе по поводу происхождения слова «Русь».

Дочь Бориса Григорьевича Елена репатрировалась вместе с семьей в Израиль в 1989 году, где стала доктором наук по генетике, что особенно ценно, так как наверняка потребовало знаний иврита и английского языка в совершенстве.

Семен Григорьевич Великовский (1909 г.р.) после окончания Качинского летного училища, стал инженером 2 ранга в истребительном полку еще до войны.

Я предполагал, что после аварии «он редко летал». Однако его награждение четырьмя боевыми орденами Красной звезды говорит об обратном. За рутинную работу по ремонту боевой техники боевыми

орденами не награждали. Вызывает восхищение тот факт, что, являясь действующим летчиком-истребителем по специализации летного училища, Семен Григорьевич освоил новую специальность – инженер по ремонту. После освобождения Крыма его полк был направлен на Сахалин, где принял участие в войне с Японией. Он говорил мне, что перед выходом на пенсию, его направили на курсы повышения квалификации, где он выполнил дипломную работу по расчету и конструированию крыла самолета. «В эту работу я вложил весь свой опыт и душу», говорил он. Работа получила признание. Семен Григорьевич был повышен в звании (стал подполковником). По-моему, это свидетельствует, что помимо способностей к технике и боевого характера у Семена Григорьевича был творческий потенциал.

Возможно, этот потенциал развился у его внучки - Дины Великовской, ставшей известным режиссёром-аниматором, лауреатом премии президента РФ для молодых деятелей искусств, а ее фильм «Мост» удостоился множества наград различных фестивалей.

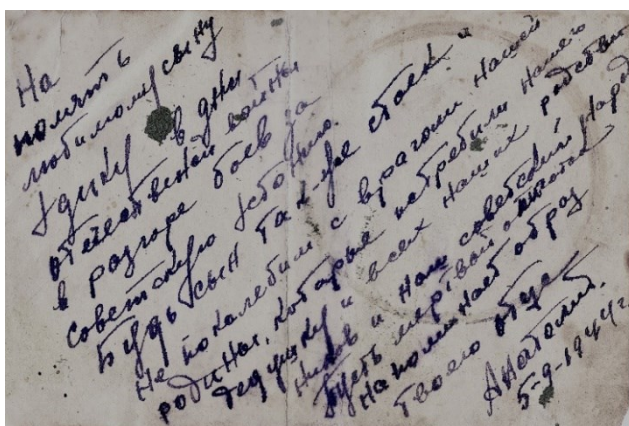
Наш отец Великовский Т.Г. до войны, в 1939 году был принят в ряды ВКП(б), а затем получил первое офицерское звание - младший политрук. В июле 1941 года он добровольцем ушел на фронт, и какое-то время возглавлял мастерские на Балтийском флоте под Ленинградом. Затем стал политруком роты 5-ой стрелковой бригады морской пехоты, оборонявшей г. Ораниенбаум в составе Приморской группы войск Ленинградского фронта. В сентябре 1942 года стал техником-контролером Передвижного Ремонтного батальона в звании младшего лейтенанта, затем в звании техник-лейтенант стал заместителем командира роты по технической части.

Участвовал в снятии блокады Ленинграда в составе 2-й ударной армии в феврале 1944 года. За участие в форсировании реки Нарва был награжден орденом Красной звезды. За участие в форсировании реки Шпрее в составе 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта был награжден орденом Отечественной войны II степени. Вышел в отставку в 1947 году.

Папа на фронте

После войны работал с 1948 по 1952 год на заводе стройматериалов Министерства местной промышленности, начальником цеха. Далее, с декабря 1955 года стал начальником цеха «Центракадемстроля» АН СССР. В 1971 году получил авторское свидетельство за изобретение под названием «водоморозостойкая шпатлевка», в 1973 г. за внедрение своего изобретения в массовое

производство получил от Президиума АН СССР почетное звание «Изобретатель СССР».

Получилось так, что наш отец в предпенсионном возрасте освоил новую для себя профессию, став химиком-технологом лакокрасочных производств, причем на таком уровне, что смог изобрести состав, который по своим свойствам раза в два превышал известные аналоги. Для меня, всю свою трудовую жизнь связавшего с одной профессией инженера-конструктора химического машиностроения, такая универсальность вызывает особое уважение. Наверное, правильно считают, что на детях талант отдыхает. А вот такой универсальностью, как наш отец обладает мой сын Леонид. Он волею обстоятельств разработал систему вентиляции «чистой комнаты», где выращивают полупроводниковые кристаллы. Про младшего брата отца Леонида Григорьевича, из документов отца известно, что к началу войны, он командовал частью береговой обороны Севастополя. Скорее всего это был зенитный дивизион, который в первые же часы войны сбил фашистский самолет. Этот дивизион перебрасывали в Одессу, и снова в Севастополь, и в конце концов в Новороссийск. После освобождения Крыма Леонид Григорьевич (тогда уже в звании майора) служил в штабе соединения во Владивостоке.

Леонид Григорьевич, наверное, имел хорошие способности к математике, был мастером игры в преферанс и любителем шахмат хорошего уровня. Это был жизнерадостный и прекрасный человек,

но, к сожалению, судьба отнеслась к нему не по заслугам сурово. Его младший сын Игорь, синоптик по военной специализации умер от последствий Чернобыльской аварии, уже в Израиле, куда семья переехала в 1995 году. Старший сын Леонида от первого брака Михаил, веселый и спортивный парень, всегда готовый оказать помощь людям, умер примерно в это же время от диабета. Таким образом Леонид Григорьевич пережил своих детей. Не дай бог такой участи!

Все братья отца достойно вели себя в боях за свою страну, вышли в отставку после 22 лет службы, все в звании подполковника. Они были членами партии, и как таковые, идейными сторонниками Советской власти. Но политика этой власти - почти открытого

государственного антисемитизма при жизни И. Сталина: – «дело врачей», борьба с космополитизмом, слухи о подготовке к депортации евреев в Сибирь, убийство Михоэлса и закрытие еврейского театра в Москве, антисионистская (антиизраильская) пропаганда, показали, что в современной цивилизации есть только два оазиса, где евреи могут жить, не вспоминая вековые преследования, а как равная или даже чуть привилегированная нация – это Израиль и США (затем и Канада).

Правда цена такого решения еврейского вопроса оказалась непомерной – холокост. Братья отца и он сам спокойно, и даже сочувственно реагировали на стремления своих детей к репатриации в Израиль. Отъезд семьи Софы после десятилетнего проживания в Советском Союзе «в отказе» стал сигналом для нашей мамы и Гены сделать это немедленно, или как можно скорее. Отец не дожил до того дня, когда выезд из России стал свободным, а сейчас даже желательным. Но цена такого решения еврейского вопроса оказалась тоже непомерной, развал империи, войны на ее окраинах, вытеснение русского населения, ставшим самым раздробленным народом современной эпохи.

Дорогие Гена и Бела, дорогие читатели!

Желаю Вам долгих лет жизни и процветания! Что касается «древа жизни» рода Великовских, ставших интернациональным и по составу, и по духу, я хочу дополнить тост отца, слегка изменив призыв персонажа Медали из «Первой конной» Исаака Бабеля:

*«Давайте же выпьем, дорогие друзья,
за интернационал хороших людей!».*

Несколько фотографий Геннадия Великовского

1989 год — это время больших перемен в жизни нашей семьи. После 10 лет отказа Софа со своей семьёй уехала через Италию в США, через несколько месяцев к ним присоединилась мама. Я направился в Израиль, где прожил несколько лет, и в 1995 году переехал в Америку. Эдик со своей семьёй остался жить в Москве.

В дополнение к семейной истории мы с Белой показываем несколько фотографий, отражающих нашу жизнь в Америке, встречи в Европе и в Израиле.

Бела, Софа и Аня, New York 1993

Сара Уфберг и мама. Баффало, 1993 год

*Софа с Анной Лисак (Уфберг) - нашей старинной подругой.
Ниагара, 1993*

У Гаи в Герцлии

Мама и Сусанна в Баффало, 2003

Геннадий Райз, Витя, Галя, Лиза, Лена, Яна (Женина дочь), Лена (Борина дочь) и Лина. Назарет, на заднем плане гора Табор, где по преданию скрывался Иисус. Фото сделано во время моего посещения Израиля в 2004 году.

Встреча с Витой в Германии. Вита - дочь Симы и Илюши Бим (Пинзур линия нашей семьи), справа дочь Виты Женья и маленькая Эльза, 2018

Алла - младшая дочь Виты с Сонечкой в Нью-Йорке, 2019

С мамой в Баффало, 1997

Алан, Маша, Макс и Ариель Севериновские, Вашингтон, 2017

Алла, Марк, Шаня, Бениамин, Рон, Инна, Марк Гольдшмидт

Сталик в гостях у Эллы Аграновой в Израиле. Мама познакомилась с Эллой Аграновой в больнице Академии Наук, Элла работала в ней врачом.

Моя первая зима в Америке, 1995

Благодарность

Прежде всего я хочу поблагодарить моего дядю Вениамина Герцеништейна: его рассказы о доме в местечке Красное и большой дружной семье, обитавшей в нём, вдохновили меня на этот проект.

Мы, второе поколение Шейны и Гейселя Великовских, передаём детям и внукам воспоминания о наших родителях и родственниках.

Алла Дитковская, Женя Златина и Леночка Великовская — терпеливо отвечали на все мои многочисленные вопросы и поделились со мной фотографиями, которые очень помогли продолжить работу над книгой воспоминаний.

Трудно переоценить вклад Илюши и Леонида Великовских- они сделали цифровую версию воспоминаний Эдика.

Особая благодарность моей жене Беле Браиловской — без её замечаний и знания компьютера было бы невозможно закончить эту книгу, и, наконец, главное — издание книги — это заслуга Кирилла Карпельсона.

Геннадий Великовский